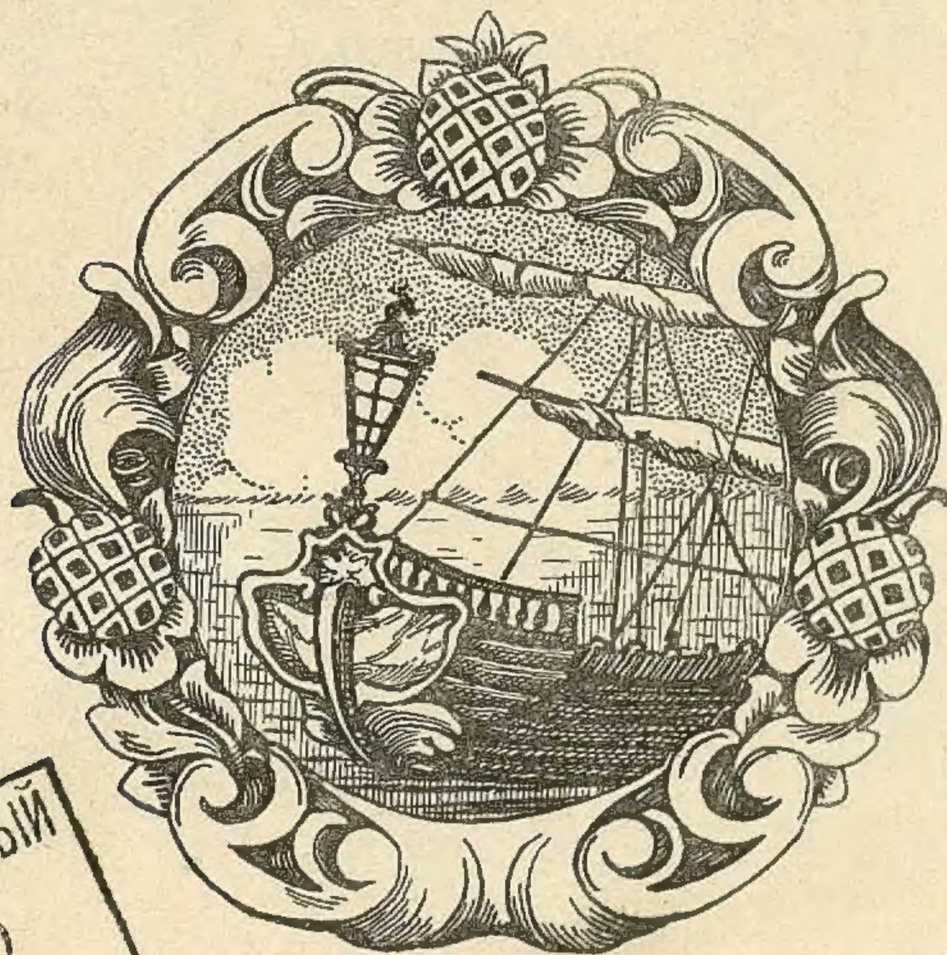
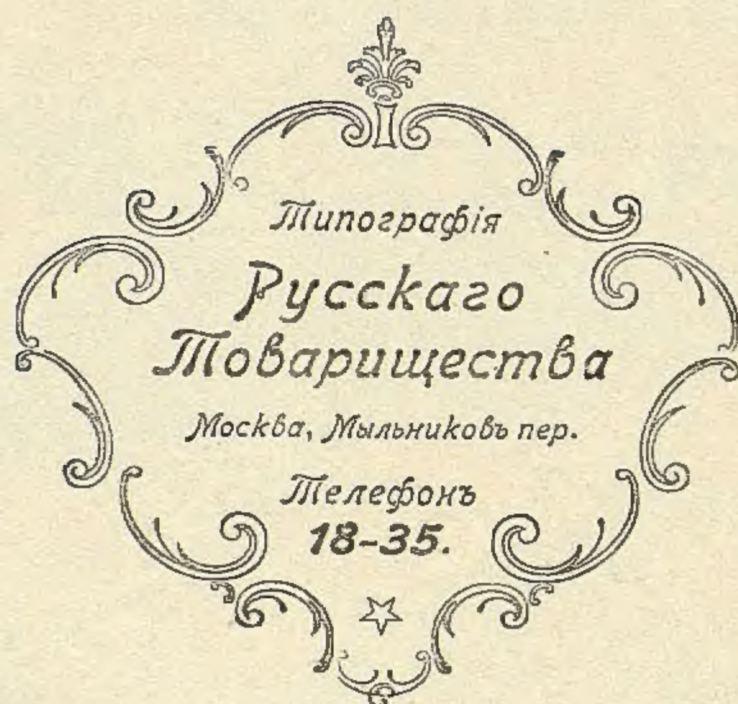
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАНОРАМА САНКТПЕТЕРБУРГА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ.

МОСКВА
1912

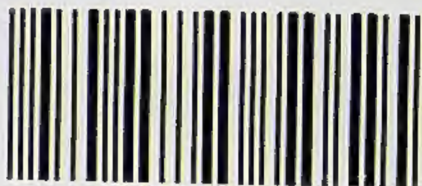

Типографія
Русскаго
Товарищества
Москва, Мыльниковъ пер.
Телефонъ
18-35.

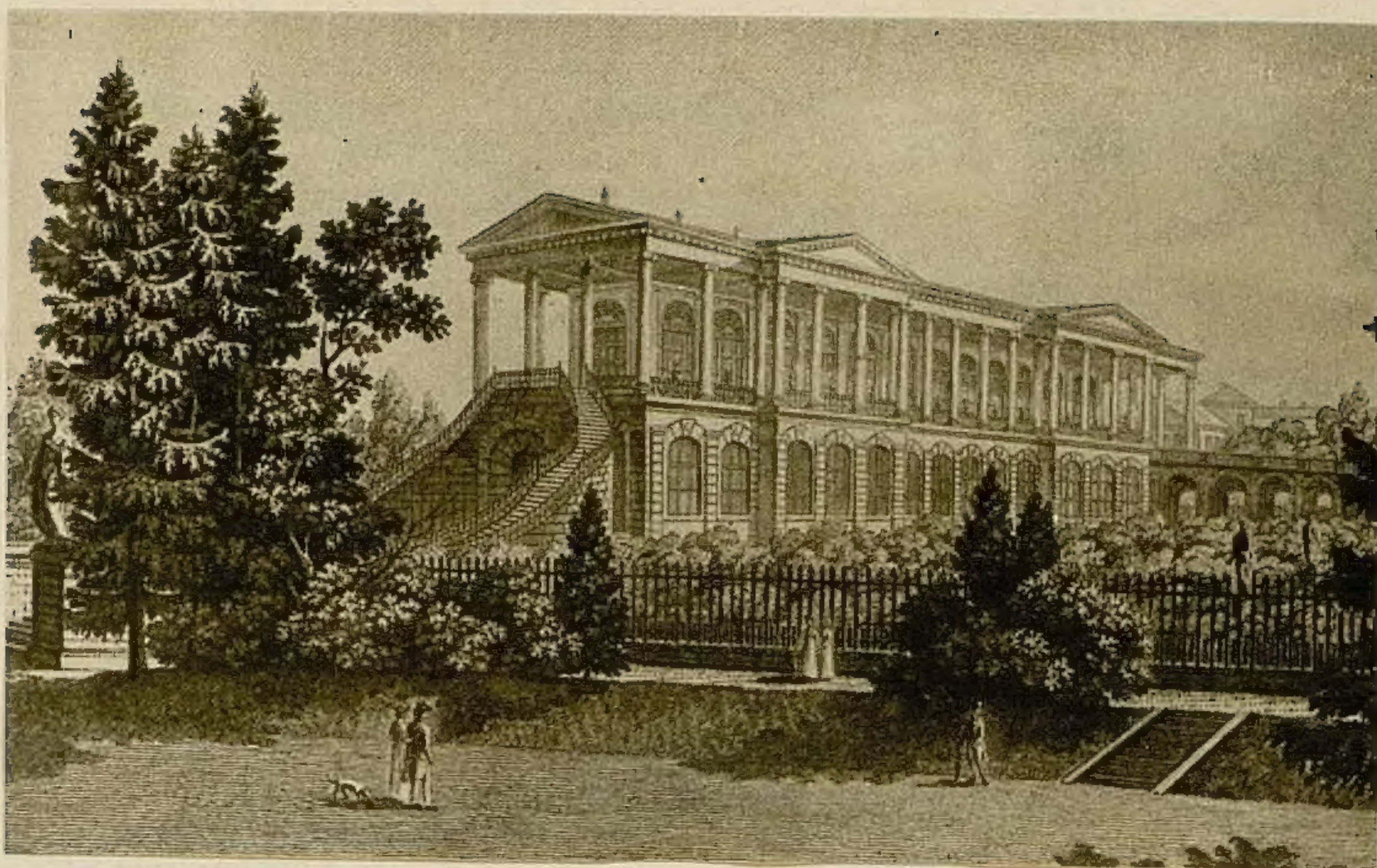
Часть седьмая.

А. И. Успенскій.

ЦАРСКОЕ СЕЛО.

Изданіе Московскаго Т-ва
«ОБРАЗОВАНІЕ».

2007087202

Начало Большому Царскосельскому дворцу положено было лѣтомъ 1718 года, когда были заложены каменныя палаты въ два этажа. Строителемъ этого первоначальнаго Царскосельскаго дворца былъ архитекторъ Бронштейнъ (Braunstein). Между прочимъ, мы нашли слѣдующее письмо Бронштейна отъ 1 іюня 1721 года къ мызнику Царскаго Села: «Господинъ мызникъ Алексѣй Ивановичъ! Писалъ ты къ намъ, чтобъ мы пріѣхали въ Царское Село для осмотра работъ. И я буду къ вамъ въ воскресенье, а нынѣ мнѣ есть дѣла много. А церковный фундаментъ готовъ и каменьщикамъ вели дѣлать въ палатахъ своды, и лѣстницѣ фундаментъ класть, которая будетъ на улицу. Мастеръ же знаетъ, какъ класть; столярамъ вели, чтобы дѣлали доски на полъ въ палаты». Печи въ палатахъ расписывалъ кафельный мастеръ, иноземецъ Угонтъ. Дворецъ этотъ былъ въ 15 саженъ длины и 9 саженъ ширины. Къ 1724 году онъ былъ совершенно отдѣланъ, въ обоихъ его этажахъ находилось 16 комнатъ.

Предъ освященіемъ Благовѣщенской церкви въ Царскомъ Селѣ въ 1724 году, для украшенія комнатъ дворца были присланы изъ Петербурга зеркала, шпалеры, нѣсколько портретовъ изъ Лѣтняго дворца и изъ Шафировскаго дома два портрета Императора Петра I и Екатерины I, изъ дворца царевны Натальи Алексѣевны портреты польскихъ короля и королевы, «цесаря Іосифа» и «королевы французской» и прочія вещи.

Императоръ Петръ I бывалъ иногда въ Царскомъ Селѣ на дачѣ своей супруги Екатерины Алексѣевны, но эти посѣщенія его не были такъ

часты, какъ поѣздки въ Петергофъ, Стрѣльну и др. 11 мая 1719 года «царское величество и съ государынею царицею пошелъ въ Царскую мызу». 7 августа 1724 года, согласно камеръ-фурьерскимъ журналамъ, «его императорское величество и государыня императрица изволили воспріять свой путь въ Село Царское, 8-го пріѣхали сюда всѣ министры и знатныя особы, 9-го, въ воскресенье, въ Царскомъ Селѣ было освященіе церкви; послѣ литургіи палили изъ 13-ти пушекъ трижды; кушали всѣ министры и синодскіе члены (Архіепископы Георгій Дашковъ-Ярославскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ Псковскій и Алексѣй Титовъ-Вятскій) въ томъ селѣ въ палатахъ, и были до полуночи; а въ то время палили всегда изъ пушекъ. 19-го его императорское величество и государыня императрица изволили прибыть изъ Царской мызы въ С.-Петербургъ въ вечеру».

Существуютъ описанія (оффиціальныя) Большого дворца въ Царскомъ Селѣ отъ 1727 года и 1737 года.

Въ 1728 году Село Царское было отписано въ вотчину цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Цесаревна, живя въ Царскосельскомъ дворцѣ, любила здѣсь имѣть птицъ. Въ документахъ бывшаго Царскосельскаго Архива (нынѣ хранится въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора) нерѣдко встрѣчаются записи, подобныя слѣдующимъ: «1735 года 22 ноября, лакей двора его высочества проситъ рябицы птицамъ, которыя въ спальнѣ государыни цесаревны». Любила цесаревна и особую траву съ огуречнымъ запахомъ, и ее приказывала класть въ свою спальню. 27 апрѣля 1738 года,—читаемъ мы въ одномъ архивномъ документѣ,—«ея высочество благовѣрная государыня цесаревна Елизавета Петровна именнымъ своего высочества изустнымъ указомъ указала, чтобъ изготовили въ верхнихъ апартаментахъ про ея высочество спальню, также и травы набрали, которая пахнетъ огурцами, и оную траву положили въ той же спальнѣ, и чтобъ все это приготовили къ 29-му сего апрѣля». Елизавета Петровна сама слѣдитъ за исправнымъ содержаніемъ своего дворца и дѣлаетъ распоряженія о производствѣ въ немъ ремонтовъ.

Вступивъ на престолъ, Елизавета Петровна не забыла Царскаго Села и постепенно, въ нѣсколько лѣтъ, изъ скромнаго Петровскаго дворца создала цѣлый фантастически-роскошный міръ, соперничающій съ Версалемъ.

Въ 1744 году «въ прежде построенныхъ палатахъ» передѣлываются въ залѣ панели, а во всѣхъ вообще комнатахъ—полы. Въ томъ же году во дворецъ было прислано 11 тканыхъ ковровъ (изъ нихъ одинъ половой), нѣкоторые «малороссійской работы», всѣ они были взяты изъ конфискованнаго имущества Головкина, Левенвольда и Менгдена. Въ слѣдующемъ году два покоя дворца были обиты штофными желтыми обоями съ серебрянымъ позументомъ.

Въ 1744-мъ же году, подъ наблюденіемъ архитектора Трезини, крестьянинъ Ив. Ив. Крутовъ строилъ по обѣ стороны палатъ флигели, въ два этажа, внизу—погреба, своды подъ однимъ правымъ флигелемъ, въ другомъ же стѣны были подняты лишь для симметріи. Каждый флигель имѣлъ въ ширину $3^1/_2$ сажени и въ длину $14^1/_2$ саженъ. Лаковый мастеръ Яганъ Неймеръ дѣлалъ въ залѣ дворца лаковыя шпалеры (можетъ-быть, тѣ самыя, которыя находились въ Китайскомъ залѣ). 26 іюня 1745 года императрица Елизавета Петровна во время своего пребыванія въ Царскомъ Селѣ «повелѣла въ нижнихъ апартаментахъ обоихъ флигелей употреблять такіе обои, какіе дѣлаются на» извѣстной въ XVIII столѣтіи Ярославской «фабрикѣ Затрапезнаго». Въ декабрѣ того же года живописецъ Каравакъ посылаетъ въ Царское Село для письма плафона нѣсколькихъ русскихъ художниковъ.

Въ 1745 году устраивается картинная комната дворца. Для нея, по приказанію государыни, живописецъ «звѣрей» Гротъ пріобрѣлъ за 12.000 рублей 115 рѣдкихъ картинъ въ Прагѣ и Богеміи, исполненныхъ лучшими художниками. Прекрасное представленіе объ этомъ интересномъ художественномъ собраніи даетъ намъ опись картинъ, составленная самимъ Гротомъ.

Въ этомъ же году въ Царскосельскомъ дворцѣ производятся столярная, рѣзная и живописная работы. Происходитъ починка плафоновъ.

Въ высочайшемъ повелѣніи отъ 17 апрѣля 1747 года говорится о желѣзныхъ воротахъ противъ дворца, при чемъ сказано, что чертежи къ нимъ были сдѣланы архитекторомъ Чевакинскимъ и что для дѣланія рѣшетокъ по обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ иноземцу Кордони уже данъ планъ. Однако, какъ ворота, такъ и рѣшетки (тѣ и другія очень красивы) сдѣланы были Кордони по чертежамъ оберъ-архитектора графа Растрелли.

«17 апрѣля 1749 года, — пишетъ оберъ-архитекторъ графъ фонъ-Растрелли, — ея императорское величество, по представленіи отъ меня чертежей, изволила ихъ апробовать и приказала мнѣ объявить въ контору строенія въ Селѣ Царскомъ дворцовъ: двѣ галлереи, которыя сдѣланы по проекту моему, выкрасить снаружи цвѣтомъ подобно, какъ каменное строеніе, а рѣзную работу вызолотить. Гербы также вызолотить, а въ средину клейма сдѣлать имя ея императорскаго величества, а внутри галлерей убрать столярною и рѣзною работою, окрасивъ внутреннія стѣны зеленою краскою и вызолотивъ рѣзьбу. А другіе фронтоны, которые стоятъ надъ палатами, также вызолотить и сдѣлать имя блаженныя и вѣчнодостойныя памяти ея императорскаго величества государыни императрицы Екатерины Алексѣевны. Флигель противъ церкви, гдѣ быть большому залу для портретовъ фамиліи ея императорскаго величества (гдѣ теперь

картинный залъ), мѣсто купола, какъ показано на чертежѣ, сдѣлать съ пьедесталами и лучшимъ украшеніемъ, а на каждомъ пьедесталѣ корону императорскую и вызолотить».

Съ 1749 года идутъ дѣятельныя работы по украшенію и отдѣлкѣ новой придворной Царскосельской церкви. Графъ Растрелли сочиняетъ чертежъ для живописца Георга Грота, съ указаніемъ, какого размѣра должны быть написаны имъ 37 иконъ въ придворную церковь Воскресенія Христова. Вмѣстѣ съ Гротомъ пишутъ живописцы Веберъ и Николай Папафилъ и «живописный мастеръ» Фанцель. Императрица пожелала сама размѣстить на рисункѣ иконостаса, гдѣ должна быть та или иная икона. На бѣломъ листовомъ желѣзѣ Гротъ написалъ для царскихъ дверей иконы Благовѣщенія и четырехъ евангелистовъ.

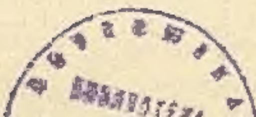
Елизавета Петровна, весьма интересовавшаяся какъ вообще всѣми работами, происходившими въ Царскосельскомъ дворцѣ, такъ и трудами Грота въ частности, 10 апрѣля 1749 года требуетъ сообщить ей точный размѣръ написанной Гротомъ иконы Тайной Вечери. 7 ноября, по приказанію государыни, контора строеній Села Царскаго предписываетъ Гроту, «который въ силу именного ея императорскаго величества указа въ Село Царское пишетъ историческія картины», немедленно сообщить, сколько и какихъ успѣлъ онъ написать картинъ и иконъ. «Писалъ ко мнѣ, — читаемъ мы въ одномъ рапортѣ архитектора Земцова, — господинъ оберъ-архитекторъ графъ Растрелли, во-первыхъ, о печи (съ приложеніемъ рисунка), гдѣ ей быть въ новой Царскосельской придворной церкви, во-вторыхъ, о святыхъ иконахъ, какимъ быть вверху въ иконостасѣ и на плафонѣ. Я нынѣ докладывалъ ея императорскому величеству, и ея императорское величество изволитъ спрашивать рисунокъ иконостаса, а о плафонѣ изволитъ упоминать, что, если въ мѣстныхъ иконахъ будетъ Воскресеніе, то на плафонѣ изобразить Вознесеніе; однако, надобно прислать рисунокъ и плафонъ. А о печи въ церкви государыня упоминала, что еще будетъ время рѣшить этотъ вопросъ, только сомнѣвалась о перегородкѣ, такъ какъ графомъ де-Растрелли ни письменно, ни на рисункѣ не показано, гдѣ должна быть та печь—въ нижнемъ или верхнемъ этажѣ, и если въ нижнемъ, то тамъ не нужно дѣлать перегородки, кромѣ однихъ столбовъ и на нихъ перемычекъ, вверху же устроить одну рѣшетку. Поэтому прикажите господамъ живописнымъ мастерамъ, чтобы Гротъ сдѣлалъ абрисъ иконостасу, хотя бы и безъ украшенія, съ одними только мѣстами и съ показаніемъ литеръ, какія изъ иконъ не написаны, и гдѣ какая будетъ, свободныя же мѣста оставить просто для размѣтки ея величеству, а Валеріани написать на плафонѣ, буде въ мѣстныхъ образахъ есть Воскресеніе, то Вознесеніе; и эти рисунки прислать поскорѣе. А о церкви, чему

быть какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажѣ, отъ ея императорскаго величества апробовано».

Предполагалось было, что Гротъ напишетъ и плафоны въ церковь, но онъ отказался отъ этой работы и умеръ, не успѣвъ окончить и всѣхъ упомянутыхъ иконъ. 18 декабря 1749 года, по возвращеніи изъ Москвы, государыня «въ высочайшее свое пребываніе въ Церскомъ Селѣ соизволила указать: начатые и еще не оконченные покойнымъ живописцемъ Гротомъ образа въ новую церковь дописать его подмастерью Веберу», а также ему же немедленно кончить тѣ иконы, которыя писалъ самостоятельно самъ Веберъ. Ровно черезъ годъ (21 декабря 1750 года) Елизавета Петровна приказала «къ написаннымъ покойнымъ живописнымъ мастеромъ Гротомъ и его подмастерьемъ Веберомъ образамъ — остальные писать живописнымъ мастерамъ Караваку, Валеріани, Тарсію, Вишнякову «съ живописцами, находящимися въ его вѣдѣніи, и упомянутому подмастерью Веберу». Относительно же размѣщенія иконъ въ иконостасѣ и на боковыхъ стѣнахъ между рѣзнымъ уборомъ «по пристоинству и согласію храма»—просить указаній отъ Святѣйшаго Синода.

Но лишь чрезъ $2^1/_2$ года послѣ этого высочайшаго повелѣнія къ петербургскому архіерею было послано приблизительно слѣдующее отношеніе отъ царскосельской конторы: «Преосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастырь! По именному ея императорскаго величества указу, повелѣно требовать наставленія, какимъ образомъ въ новостроющейся въ Царскомъ Селѣ церкви Воскресенія Христова на боковыхъ стѣнахъ расположить образа. А такъ какъ при семъ приложенъ чертежъ мѣстъ для иконъ въ иконостасѣ и прочихъ мѣстахъ, съ надписями, въ какія мѣста иконы уже написаны, то просимъ ваше преосвященство, во исполненіе упомянутаго повелѣнія государыни, надписать на свободныхъ мѣстахъ этого чертежа, какъ размѣстить иконы, и затѣмъ чертежъ прислать обратно». Три года спустя, 16 мая 1753 года, контора строеній Села Царскаго предписала архитектору Чевакинскому, чтобы онъ, по размѣткѣ с.-петербургскаго преосвященнаго, назначилъ писать иконы тѣмъ живописцамъ, «которые умѣютъ лучше, — на передней стѣнѣ въ иконостасѣ, а которые похуже,—тѣмъ вверху по стѣнамъ».

17 апрѣля 1749 года государыня приказала стѣны придворной церкви внутри «выкрасить краской синяго цвѣта, а орнаменты, рѣзьбу и прочія украшенія вызолотить». Къ осени Елизавета Петровна передумала и пожелала отмѣнить это свое распоряженіе. 27 сентября,—говорится въ одномъ архивномъ документѣ, — «ея императорское величество изволила приказать въ церкви стѣны выкрасить подъ лакъ самымъ пунцовымъ колеромъ изъ лучшаго кармина, орнаменты же, рѣзьбу и прочія украшенія

высеребрить, а не золотить».—Однако, первое распоряженіе императрицы, объявленное 17 апрѣля, болѣе, чѣмъ наполовину было уже исполнено. «Объ украшеніяхъ церковныхъ Царскаго Села, читаемъ мы въ донесеніи архитектора Земцова, что они уже въ большей части вызолочены до полученія указа ея императорскаго величества о серебреніи,—я доносилъ ея величеству, и ея императорское величество указала быть тому украшенію золоченому, какъ уже начато, а грунтъ на стѣнахъ употребить лучше и приличнѣе къ золоту изъ берлинской лазори-темносиней. Иконы мѣстныя обождать писать до прибытія ея величества въ Петербургъ, такъ какъ государыня намѣрена, съ помощью Вышняго, совершенно быть въ Селѣ Царскомъ къ торжественному дню своего рожденія, то-есть къ 18 декабря, и для отъѣзда уже учиненъ и нарядъ подводамъ».

Интересная опись придворной Царскосельской церкви составлена была въ 1757 году архитекторомъ Нѣѣловымъ.

24 апрѣля 1752 года Елизавета Петровна «изустно соизволила указать въ Петергофскомъ ея императорскаго величества дворцѣ галлерею рѣзною и золотарною работою не убирать, а убрать ее живописными картинами, которыя взять изъ здѣшнихъ дворцовъ и изъ Царскаго Села». Картины эти, реставрированныя Фанцелемъ, вѣроятно, нѣкогда помѣщались въ комнатахъ дворца и впослѣдствіи были снесены въ кладовую. Онѣ, впрочемъ, такъ и остались въ Царскомъ Селѣ, такъ какъ 9 іюня государыня измѣнила свое желаніе и Петергофскую галлерею приказала украшать не картинами, а рѣзьбою «и прочимъ».—Курьезный списокъ всѣхъ этихъ картинъ, бывшихъ въ Царскомъ Селѣ, сохранился.

Въ 1752—1753 гг. во дворцѣ производятся рѣзная и столярная работы.

Въ 1753 году наружныя стѣны дворца были окрашены. Живописецъ Градици пишетъ плафонъ въ аванзалъ; писались также плафоны въ только что отстроенныхъ антикамерахъ и въ галлереѣ. Художественныя работы во дворцѣ производятъ и многіе другіе живописцы. «Живописецъ, театральный архитекторъ, Императорской Академіи Наукъ профессоръ перспективы» Іосифъ Валеріани написалъ плафонъ въ новый залъ, что между среднимъ домомъ и антикамерами.

3 марта 1753 государыня приказала золотарному мастеру Лепренцу выписать «изъ-за моря» зеркала для внутренняго украшенія новопостроеннаго большого зала.

Въ концѣ марта оберъ-архитекторъ графъ де-Растрелли писалъ: «Сего марта 23 дня ея императорскому величеству, всемилостивѣйшей государынѣ была представлена мною модель лѣстницы, которую ея императорское величество апробовать соизволила. Въ новый эрмитажъ большого дворца ея величество соизволила сдѣлать столъ для восьми персонъ.

Въ правомъ флигелѣ государыня, по желанію дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Антоновича Черкасова, назначила одинъ покой для убиранія стѣнъ драгоцѣнными камнями, а въ какомъ покоѣ то украшеніе будетъ, также, гдѣ размѣстится сочиненная мною декорація, это указано на планѣ подъ литерами, согласно апробованнымъ уже чертежамъ».

Въ апрѣлѣ архитекторъ Савва Чевакинскій дѣлаетъ распоряженіе о томъ, чтобы всѣ стѣны въ антикамерахъ были «убраны, согласно утвержденнымъ самою государыней чертежамъ, столярною работой съ рѣзьбою отъ пола до потолка».

6-го апрѣля Елизавета Петровна приказала прислать для работъ въ Царскосельскомъ дворцѣ всѣхъ художниковъ, которые числились въ гвардейскихъ полкахъ и на шпалерной мануфактурѣ, и двухъ братьевъ Мину и Ѳедота Колокольниковыхъ. Послѣднему изъ братьевъ пришлось особенно много поработать въ дворцѣ.

4-го декабря 1753 года бригадиръ Григорьевъ доносилъ о работахъ по Царскосельскому дворцу: «Въ новопостроенную церковь святые образы всѣ въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ будутъ окончены. Во дворцѣ и въ среднемъ залѣ и въ новопостроенныхъ до праваго флигеля покояхъ штучные полы положены на мѣста, и во всѣхъ комнатахъ производятся столярная и рѣзная работы.—Въ новой галлереѣ плафонъ (кромѣ средины) написанъ и подымается къ потолку; въ лѣвомъ флигелѣ въ двухъ антикамерахъ плафоны пишутся». Комнаты дворца обивались обоями: соломенковыми по зеленой землѣ съ золотыми травами, штофными желтыми, зелеными, пунцовыми, голубыми, малиновыми. Въ нижнемъ этажѣ дворца комнаты обиваются бумажными обоями и краснымъ сукномъ, въ верхнемъ же этажѣ—бѣлымъ штофомъ. Сюда же пошли взятыя отъ графини Анны Карловны Воронцовой «гирлянды» бѣлыя съ фіолетовыми, алыми, голубыми и зелеными большими цвѣточками, бѣлыя же съ разными мелкими цвѣтками, съ городками на одной сторонѣ.

Въ 1755 году императрица Елизавета Петровна приказала украсить зало въ среднемъ домѣ картинами. 6-го апрѣля того же года государыня, одобривъ представленный ей графомъ Растрелли планъ «циркумференціи съ флигелями», приказала разобрать старое зданіе весною же «въ сырое время, чтобы разобранныя строенія и золоченые орнаменты не могли запылиться». Въ то же время художественныя работы по украшенію «средняго дома» дворца шли своимъ чередомъ.

Въ 1755 же году въ Царскосельскомъ дворцѣ устраивается такъ называемая янтарная комната.

Относительно этой комнаты Георги замѣчаетъ: «Знатная комната обита вмѣсто обоевъ янтарными дощечками и украшена четырьмя доска-

ми, на которыхъ изображены пять чувствъ мозаическою работою. Король Прусскій Фридрихъ Вильгельмъ Первый подарилъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ сіи янтарныя дощечки, а императрица ему обратно 80 большихъ рекрутъ».

Однако, это свѣдѣніе, сообщенное академикомъ Георги, невѣрно,— янтарная комната, какъ видно по документамъ Главнаго Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, была прислана прусскимъ королемъ императору Петру I-му 13-го января 1717 года.

7-го января 1717-го года императоръ Петръ I писалъ изъ Амстердама Бестужеву въ Курляндію: «Monsieur». Когда присланъ будетъ въ Мемль изъ Берлина отъ графа Александра Головкина кабинетъ янтарный (который подарилъ намъ королевское величество Прусской) и оный въ Мемелѣ пріими и отправь немедленно чрезъ Курляндію на курляндскихъ подводахъ до Риги съ береженіемъ съ тѣмъ же посланнымъ, который вамъ сей нашъ указъ объявитъ, и придайте ему до Риги въ конвой одного ундеръ-офицера съ нѣсколькими драгунами; также дайте тому посланному въ дорогу до Риги на пищу денегъ, дабы онъ былъ доволенъ, и, ежели будетъ требовать подъ тотъ кабинетъ саней, и оныя ему дайте». Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ «дѣлѣ о присылкѣ отъ прусскаго короля въ даръ къ государю Петру I янтарнаго кабинета» находимъ, между прочимъ, особенно интересную для насъ опись (на нѣмецкомъ языкѣ) янтарныхъ досокъ и имя французскаго мастера, дѣлавшаго ихъ въ Данцигѣ. Что касается до увѣренія Георги относительно того, будто король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ получилъ (во всякомъ случаѣ, не отъ императрицы Анны Іоанновны) въ подарокъ, въ обмѣнъ за янтарныя дощечки, 80 большихъ рекрутъ, то хотя въ Московскомъ Главномъ Архивѣ и находится дѣло объ отправленіи Петромъ Великимъ къ сему королю съ камеръ-юнкеромъ Толстымъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1718 года, не 80-ти, а 55-ти самыхъ великорослыхъ солдатъ,—однакожъ, за отсутствіемъ въ семъ дѣлѣ какихъ-либо опредѣленныхъ указаній, остается догадываться, что эта посылка великановъ служила выраженіемъ признательности россійскаго монарха его союзнику за присылку янтарной комнаты.

Первоначально камора устроена была въ Зимнемъ дворцѣ въ Петербургѣ. До перенесенія въ Царское Село янтарный кабинетъ былъ нѣсколько разъ исправляемъ.

О перенесеніи янтарной комнаты въ Царское Село намъ удалось найти слѣдующее интересное свѣдѣніе въ протоколахъ Канцеляріи отъ строеній: «11-го іюля 1755 года оберъ-архитекторъ графъ де-Растрелли, прибывъ изъ Села Царскаго, объявилъ генералъ-лейтенанту Фермору

именной изустный указъ государыни, чтобы изъ зимняго дома янтарный кабинетъ чрезъ трехъ матросовъ, которые его поставили въ парадную комнату, бережно разобрать и отправить въ Царское Село на рукахъ рабочихъ». Канцелярія отъ строеній приказала мастеру Мартелли собрать кабинетъ въ ящики и отправить въ Царское Село, 1-го августа того же года янтарная камора уже въ Царскомъ Селѣ и устраивается на мѣсто.

На другихъ янтарныхъ дощечкахъ въ янтарномъ кабинетѣ Большого Царскосельскаго дворца мы нашли двѣ слѣдующія надписи,—на одной: «Anno 1709», на другой «Anno 1760».

Въ 1756 году при «циркумференціи» большого дворца были сломаны старые корпусы, и строится каменная галлерея между среднимъ домомъ и правымъ флигелемъ.

Императрица Елизавета Петровна нерѣдко посѣщала Царское Село. Въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ отмѣчены слѣдующія ея посѣщенія.— Вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ (25-го ноября 1741 года), именно 18-го января 1742-го года, Елизавета Петровна «по утру въ девятомъ часу изволила путь воспріять въ дворцовое свое село Царское, которое по подписаннымъ верстовымъ отъ Фонтанной рѣки столбамъ разстояніямъ имѣется въ 21-й верстѣ. По той дорогѣ имѣются деревни, а именно,—въ 14-ти верстахъ именуемое Пулки, отъ оной въ пяти Кузьминское. Во время прибытія ея императорскаго величества въ томъ Царскомъ Селѣ стрѣляли изъ имѣющихся тамъ пушекъ, сперва 31-нъ разъ, а потомъ, какъ изволили сѣсть кушать за столъ, стрѣляли же неоднократно. Потомъ въ восьмомъ часу въ вечеру изволили быть въ хоромахъ, кои въ огородѣ и называются трактиръ, гдѣ была прежде мыльня, и тутъ изволила забавляться до 10-го часа, а потомъ въ палатахъ, куда прежде пріѣхали, немного позабавясь, тутъ ночевать». На слѣдующій день въ седьмомъ часу утра государыня съ придворными кавалерами и нѣкоторыми лейбъ-кампанцами гуляла и выѣзжала на охоту. Вернулась она въ полдень. Послѣ обѣда былъ балъ, «танцовали, пѣли и играли въ карты». 20 го января также въ 7-мъ часу утра Елизавета Петровна отправилась на охоту. Вернувшись въ Царское въ 11-мъ часу, она была въ каменной Знаменской Царскосельской церкви воспріемницей «тремъ персіанамъ и двумъ туркамъ».—Заѣзжала императрица въ Царское Село и 22-го февраля, на пути въ Москву.

29-го іюля въ Царскомъ Селѣ Елизавета Петровна «пополудни въ 6-мъ часу изволила шествіе имѣть съ птичьею охотою около звѣринца и скрозь звѣринца, откуда возвратиться во дворецъ изволила пополудни же въ 8-мъ часу». 10-го сентября «въ ономъ же Царскомъ Селѣ, во дворцѣ въ залѣ, при поставленномъ столѣ на 12 штукахъ, при обѣденномъ ку-

шаньѣ имѣлось трактованіе обрѣтающихся во ономъ селѣ при работахъ Невскаго и Кабардинскаго пѣхотныхъ полковъ штабъ и оберъ-офицеровъ, при которомъ столѣ изволила присутствовать ея императорское величество съ генералитетомъ и бывшими при свитѣ придворными кавалерами, такожъ и статсъ-дамами и дамами. Во время того кушанья при питіи за здравіе имѣлась пальба изъ пушекъ. По окончаніи кушанья пополудни въ 4-мъ часу ея императорское величество изволила шествіе имѣть изъ Села Царскаго и въ церкви Николая Чудотворца, которая въ ономъ селѣ, изволила слушать вечерню. По окончаніи вечерни изволила слѣдовать въ путь въ каретахъ». 9—10 декабря государыня въ Царскомъ Селѣ ѣздила «на чучелы». 26-го декабря пополудни въ 1-мъ часу ея императорское величество изволила шествовать изъ новаго зимняго дома въ Царское Село и обѣденное кушанье кушать въ томъ селѣ. Въ присутствіе ея императорскаго величества въ томъ селѣ на новосдѣланномъ въ покояхъ маломъ театрѣ представлены были двѣ русскія трагедіи—первая 28-го, вторая 29-го чиселъ, кадетами».

1-го августа 1755 года императрица Елизавета Петровна обѣдню слушала «въ комнатной церкви, и водоосвященіе было въ оной же церкви, а на Іордани водоосвященія не было за случившеюся тогда непогодою».— 22-го числа того же мѣсяца въ Селѣ Царскомъ, по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію, былъ англійскій посолъ, съ которымъ былъ польскій графъ господинъ Понятовскій, россійскіе вице-канцлеръ графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ и князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, съ супругами, который пріѣхалъ по утру въ 12-мъ часу и въ началѣ пріѣзда смотрѣлъ новыхъ покоевъ въ верхнемъ апартаментѣ и ѣздилъ на шлюпкѣ на прудъ, въ галлерею и оттуда въ эрмитажъ, гдѣ было обѣденное кушанье. Столъ состоялъ въ трехъ перемѣнахъ съ дессертомъ. Ея императорское величество обѣденное кушанье изволила кушать во внутреннихъ своихъ покояхъ. И послѣ обѣденнаго кушанья изволила поѣхать на поле со псовой охотой, а на Пулковской горѣ поставлены были шатры, куда ея императорское величество съ охоты прибыть изволила, такожъ и вышеписанный посолъ и графъ Понятовскій приглашены были. И на оной горѣ въ шатрахъ, въ присутствіи ея императорскаго величества, былъ вечерній столъ. И послѣ вечерняго кушанья ея императорское величество изволила возвратиться въ Село Царское, а посолъ отправленъ возвратно въ Петербургъ».—Въ слѣдующемъ году Елизавета Петровна провела въ Царскомъ Селѣ также не мало дней.—9-го іюля вечеромъ» на сдѣланномъ въ домѣ конференціи театрѣ, въ присутствіи ея императорскаго величества, отправлялась французская комедія. 30-го іюля, во вторникъ, въ Селѣ Царскомъ освящена церковь Воскре-

сенія Христова; а порядокъ онаго освященія былъ слѣдующій: 29-го числа, къ вечеру, изъ С.-Петербурга въ Село Царское пріѣхалъ преосвященный архіерей С.-Петербургскій Сильвестръ съ архимандритомъ Софроніемъ Богоявленскаго Костромскаго монастыря. 30-го дня, по утру, сперва начался благовѣстъ и во оной церкви водоосвященіе; потомъ ея императорское величество, въ препровожденіи всѣхъ находящихся кавалеровъ и дамъ, изъ своихъ покоевъ изволила слѣдовать въ церковь, и по прибытіи помянутый преосвященный съ соборомъ началъ отправлять освященіе церкви; по окончаніи освященія была пальба изъ 51 пушки, потомъ началась литургія и молебенъ; при окончаніи литургіи сказана была отъ его преосвященства проповѣдь. По окончаніи всей службы ея величество изволила со всѣми знатными персонами пройти въ свои покои и въ верхнемъ апартаментѣ, въ новомъ большомъ залѣ, съ помянутыми духовными и знатными всего въ 40 персонахъ, изволила кушать обѣденное кушанье, а какъ кушали за высокія здоровья, происходила пальба изъ пушекъ. А какъ тотъ столъ стоялъ, и кто въ которомъ мѣстѣ сидѣлъ, приложенъ рисунокъ».—1-го августа, въ присутствіи государыни, въ придворной церкви литургію совершалъ «преосвященный архіерей Сильвестръ С.-Петербургскій; послѣ сего духовною церемоніею пошли на Іордань, которая сдѣлана была въ верхнемъ саду на прудѣ, и тамъ, въ присутствіи ея величества, его преосвященство отправлялъ водоосвященіе; и при погруженіи креста выпалено изъ 51 пушки. Обѣденный ея величество—столъ изволила имѣть во внутреннихъ своихъ покояхъ, а кавалеры и дамы кушали въ томъ залѣ, въ которомъ всегда столъ бываетъ; духовныхъ же персонъ его высокопревосходительство господинъ оберъ-маршалъ и кавалеръ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ трактовалъ въ Эрмитажѣ». Въ 1757 году Елизавета Петровна снова вдоволь пожила въ Царскомъ Селѣ.

«6-го іюля, въ воскресенье, императрица Елизавета литургію слушала въ комнатной церкви. Въ этотъ же день прибылъ отъ арміи маіоръ Романіусъ, который привезъ ключи и знамена города Мемеля; по этому случаю послѣ обѣдни въ придворной церкви, въ присутствіи императрицы, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, «при пушечной пальбѣ». За обѣдомъ, состоявшемся въ картинномъ залѣ,—когда «кушали про высокія здоровья,—палили изъ пушекъ».—17-го августа, въ воскресенье, въ Царскомъ Селѣ, «ея императорское величество, отслушавъ въ комнатной церкви литургію, изволила прибыть въ большую придворную церковь со всѣми случившимися тогда обоего пола знатными персонами, гдѣ объявленъ и прочитанъ секретаремъ конференціи Волковымъ манифестъ, какія случаи побудили ея императорское величество подать высокимъ своимъ союзникамъ помощь и учинить во областяхъ короля прусскаго диверсію и при-

нять въ войнѣ участіе. По прочтеніи отправляемо было съ колѣнопреклоненіемъ молебное пѣніе о прошеніи отъ Всевышняго благословенія оружію ея императорскаго величества».

21-го августа 1758 года «Турецкій посланникъ, по отъѣздѣ изъ Петербурга въ свое отечество, по высочайшему ея императорскаго величества заѣхалъ со всею свитою въ Царское Село, гдѣ ему отведена была квартира въ покояхъ лѣваго флигеля, противъ самой средины дворца.— Трактованъ онъ былъ со всею свитою вечернимъ обѣденнымъ столомъ; во дворцѣ водимъ по всѣмъ покоямъ и въ эрмитажъ, возимъ на островъ, на гору и въ звѣринецъ, для показанія въ покояхъ любопытства достойнаго украшенія и прочихъ рѣдкостей, гдѣ, побывъ полтора дня, 25-го сего мѣсяца отъѣхалъ прямо въ Турцію».

Въ 1759, 1760 и 1761 годахъ государыня провела въ Царскомъ Селѣ по нѣскольку дней.

Въ февралѣ 1762 года въ Царскомъ Селѣ идутъ приготовленія къ пріѣзду императора Петра III-го. Инженеръ-капитанъ Андрей Григорьевъ устраиваетъ при дворѣ ледяную иллюминацію или ледяной фейерверкъ, на большой галлереѣ и въ китайскомъ залѣ потолоки обиваются войлоками; разставлено было 900 плошекъ съ саломъ, часть ихъ помѣщена на крыльцахъ для ношенія во время присутствія государя въ Царскосельскомъ дворцѣ во ночное время. Петръ III приказалъ къ 10-му февраля, по случаю имѣющаго быть его пріѣзда въ Царское Село, топить во дворцѣ верхніе покои, кромѣ большой галлереи, китайскаго зала и янтарной комнаты, а чтобы галлерея, китайскій залъ и янтарная комната, гдѣ нѣтъ печей, были теплыми, слѣдуетъ потолоки ихъ устлать въ два войлока и нагрѣвать водкой и виномъ.

Немало перемѣнъ въ Царскосельскомъ дворцѣ произошло въ царствованіе императрицы Екатерины IIой.

Особенно много было сдѣлано съ 1782 года во дворцѣ художникомъ Шарлемань, подъ руководствомъ архитектора Камерона. Онъ исполнялъ живописныя рѣзныя, бронзовыя и мраморныя работы и сдѣлалъ нѣсколько великолѣпныхъ креселъ и другой мебели въ парадные покои дворца.

Въ 1776—1788 гг. произведены были весьма важныя работы по украшенію комнатъ Большого Царскосельскаго дворца, при чемъ главными дѣятелями изъ художниковъ являются Шарлемань, архитекторъ Камеронъ и академикъ Мартосъ.

Въ 1783 и слѣдующихъ годахъ архитекторъ Камеронъ въ лѣвомъ флигелѣ Царскосельскаго дворца устраиваетъ баню для императрицы Екатерины II съ необыкновенною роскошью.

Одна внутренняя отдѣлка бани обошлась въ 250.000 руб.; общая же стоимость постройки обошлась въ 463.560 р. (въ настоящее время это составитъ около 1.500.000 руб.). Всѣ внутреннія украшенія и живопись въ банѣ были исполнены почти однимъ мастеромъ Шарлемань.

Въ 1782—1788 гг. формейстеръ Императорскаго фарфороваго завода Рашетъ дѣлалъ по рисункамъ Камерона барельефы и другія фигуры въ холодную баню и «отливалъ ихъ самоискуснѣйшимъ образомъ въ комнату верхняго этажа, въ покой, называемый овальный портикъ, въ агатную купальную и во вторую агатную комнаты, на лѣстницу, въ библіотеку, въ одинъ покой нижняго этажа, въ комнату отдыхальную, по сторонамъ холодной и жаркой бани».

Одновременно съ постройкой холодной бани Камерономъ была построена колоннадная галлерея, носящая въ настоящее время его имя.

Въ концѣ XVIII вѣка (около 1794 г.) Георги такъ описываетъ Царскосельскій дворецъ: «Замокъ имѣетъ два высокіе и въ верху одинъ низкій этажъ и въ каждомъ концѣ назадъ вдавшійся флигель.

Главный фасадъ на дворѣ замка имѣетъ 140 саженъ длины и въ каждомъ этажѣ 79 окошекъ. Передъ среднимъ входомъ есть небольшая возвышенность для въѣзда, оба же входа по сторонамъ имѣютъ мраморныя ступени. Сей фасадъ имѣетъ преимущественно много столбовъ, пилястровъ, фестоновъ, балконовъ и другихъ архитектурныхъ украшеній, на карнизѣ статуи, вазы и проч. съ великою, богатою, слѣдовательно, и прочною позолотою, каковая въ наружности дворца ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не бываетъ. Восточный флигель содержитъ великолѣпную церковь, коея кровля пятью крѣпко позолоченными куполами украшена, въ западномъ же находится императорская баня.

Внутренность дворца учреждена съ изящнымъ великолѣпіемъ въ нижнемъ и верхнемъ этажѣ для императорскихъ придворныхъ особъ и императорскихъ гостей; средній же или главный этажъ для ея императорскаго величества и императорскаго дому. Къ сему этажу проведена большая парадная лѣстница, коея перила изъ краснаго дерева сдѣланы. Въ комнатахъ, изъ коихъ наибольшія и наивеликолѣпнѣйшія имѣютъ окошки на дворѣ замка, а меньшіе жилые покои въ садѣ, царствуетъ въ живописи потолковъ, въ полахъ, въ богатыхъ по большей части обояхъ и занавѣсахъ, въ живописныхъ картинахъ, настольныхъ часахъ, вазахъ и во всемъ домашнемъ приборѣ, наибольшая многообразность. Западный флигель имѣетъ въ среднемъ этажѣ меньшія, по собственному начертанію монархини расположенныя и убранныя комнаты. Изъ комнатъ въ главномъ этажѣ хочу я еще особенно назвать достопамятнѣйшія, несмотря, однако же, на порядокъ, по которому онѣ во дворцѣ одна за другою слѣдуютъ. Знат-

ная комната обита вмѣсто обоевъ янтарными дощечками и украшена четырьмя досками, на которыхъ пять чувствъ изображены мозаическою работою... Нѣкоторыя комнаты составляютъ галлереи съ рѣдкими и прекрасными историческими, миѳологическими и др. живописными картинами, такожде и многими портретами. Большая комната имѣетъ чернолакированныя стѣны, съ выпуклыми китайскими... украшеніями. Въ одной стѣны вмѣсто обоевъ покрыты большими литыми заркалами» (—уборная Екатерины II).

«Изъ меньшихъ комнатъ подлѣ бани стѣны покрыты въ одной полированною мятою бумагою» (фольгой. Диванная?), «въ другой лазуревымъ камнемъ, еще въ другихъ агатовыми, яшмовыми и мраморными дощечками, цвѣтною битью, бронзю и проч. Одна убрана совсѣмъ въ арабескъ; въ одной выложенъ полъ перламутромъ и рѣдкими родами деревъ. Императорская баня въ правомъ флигелѣ замка выстроена въ два этажа и имѣетъ въ нижнемъ большой оловянный водоемъ, въ который на оловянныхъ ступенькахъ спускаться можно; большую купальную ванну и въ особливой комнатѣ въ сторонѣ малую россійскую баню съ печью, котлами, полками и проч. Въ верхнемъ этажѣ бани есть большая комната съ нишами, убранными софами, туалетнымъ приборомъ и проч., такожде имѣются здѣсь книги для чтенія. Изъ сей комнаты можно итти въ малый на сводахъ сдѣланный, прекрасный воздушный или висящій садъ. У южнаго флигеля замка начинается аркада, имѣющая около 50 саж. длины и 5 саж. ширины, коея полы, повидимому, въ 4 фута возвышеннаго здѣсь и насыпью снабженнаго сада.

На спускѣ аркады... стоятъ другъ противъ друга колоссальныя бронзовыя статуи—Геркулесъ Фарнезскій и Флора. Геркулесъ сдѣланъ по модели Аѳинянина Глейкона, найденной въ развалинахъ Антонинскихъ теплыхъ водъ, въ коей Академіи художествъ г. профессоръ Гордѣевъ прибавилъ львиную кожу и образовалъ его упирающагося на булаву; по сей модели отлитъ оный въ Академіи литейнымъ художникомъ Можаловымъ. Столь же великая и съ такимъ же искусствомъ работанная Флора есть произведеніе сихъ двухъ художниковъ. Сверхъ аркады есть великолѣпная подъ крышкою колоннада изъ мраморныхъ столбовъ, въ коей въ точномъ смыслѣ на вольномъ воздухѣ прогуливаться можно и пользоваться прекраснымъ видомъ сада, и всей различными перемѣнами обогащенной страны».

Императрица Екатерина II-я наслаждалась роскошью, комфортомъ и красивымъ мѣстоположеніемъ своихъ дворцовъ, дачъ, оранжерей, садовъ и проч. Въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ Екатерина весьма нерѣдко пишетъ обо всемъ этомъ. Она очень довольна, когда иностранные гости,

архитекторы, художники, спеціалисты въ устройствѣ садовъ и парковъ хвалятъ ея вкусъ и восхищаются роскошью и прелестями Царскаго Села, Петергофа и проч. Она сама любитъ описывать роскошь и изящество зеркалъ и колоннадъ, картинъ и статуй, пышность и уютность своихъ царскихъ покоевъ. Свою любовь къ разведенію садовъ и постройкѣ красивыхъ дворцовъ она называетъ «плантоманіе» и «batissomanie». Екатерина не знала мѣры въ своей склонности къ роскоши и великолѣпію. Изъ всѣхъ загородныхъ мѣстъ государыня болѣе любила Царское Село и почти ежегодно лѣтомъ жила здѣсь. Приведемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ жизни Екатерины II въ Царскосельскомъ дворцѣ.

Обычно императрица утромъ гуляетъ въ саду, въ гротѣ пьетъ утренній кофе, при чемъ фрейлины, дамы и кавалеры здѣсь имѣютъ малый фриштикъ; затѣмъ идутъ во дворецъ и въ янтарной, картинной, или иной комнатѣ, или на балконѣ параднаго крыльца играютъ въ карты или шахматы. Обѣдъ происходитъ по большей части въ столовой комнатѣ (что предъ галлереей) или на галлереѣ, иногда на балконѣ, за круглыми столами. Около 6 часовъ дня въ китайскомъ залѣ дается концертъ. Послѣ прогулка въ саду. Вечеромъ—ужинъ. Иногда государыня отправляется со свитой «на горы», качаться на качеляхъ, или идетъ на большой прудъ и катается «на ботикѣ».

Вотъ образцы камеръ-фурьерскихъ записей 18, 19 и 20-го марта 1766 года: Государыня «забавляется въ карты» въ янтарной комнатѣ, а 21 и 22-го въ картинной комнатѣ, 23-го обѣдаетъ въ галлереѣ. Въ журналѣ за 2-е мая, между прочимъ, упоминается столовая комната, что передъ галлереей. 11 мая государыня «выходила въ портретную комнату, и на балконѣ съ кавалерами забавлялась въ шашки», 14-го во время обѣда во дворцѣ играетъ инструментальная музыка съ хоромъ пѣвчихъ. Императрица затѣмъ «качалась на качеляхъ и смотрѣла веселящихся въ хороводѣ женщинъ и дѣвицъ, коихъ изволила жаловать деньгами».

Особое торжество состоялось въ Царскомъ Селѣ 28 октября 1770 года по случаю пріѣзда туда принца прусскаго Генриха. Въ 5-мъ часу пополудни Екатерина съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, принцемъ Генрихомъ и съ большой свитой выѣхала въ Царское Село. Лишь только «ея величество, читаемъ въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, соизволила подняться изъ зимняго своего дворца, то превеликое множество каретъ старались вслѣдъ ѣхать за дворцовыми и сочинили такую цѣпь, что отъ самаго города до урочища, называемаго Три Руки, на разстояніи 14-ти верстъ, безпрерывно карета за каретою слѣдовала. У Трехъ Рукъ сдѣланы были торжественныя ворота, освѣщенныя горящими огнями, съ надписью въ честь его королевскому высочеству принцу прусскому Генриху,

дражайшему гостю, коего и главныя добродѣтели на оныхъ зримы были; оттуда до самой Пулковой горы, включая и оную, на 8-ми верстахъ разставлены были, разстояніемъ другъ отъ друга въ полверстѣ, разные огненнымъ сіяніемъ озаренные щиты, а именно: 1. Китайское капище. 2. Фонтанъ. 3. Пирамида. 4. Обелискъ. 5. Великолѣпное и огромное зданіе съ пышнымъ выходомъ. 6. Домъ. 7. Башня въ крѣпости, каменною окруженной стѣною. 8. Мостъ чрезъ рѣку, судами преплываемую, съ частію близъ стоящаго зданія. 9. Отверстіе каменнаго утеса, сквозь которое видно строеніе, лѣсъ, гора и по дорогѣ ѣдущая карета. 10. Корабль. 11. Радуга, краями своими касающаяся темныхъ облаковъ. 12. Столбъ съ горящими на немъ огнями, или маякъ. 13. Развалины падшаго прекраснаго зданія. 14. Гора, надъ нею облака, изъ коихъ является комета. На самомъ верху горы крѣпкій замокъ, предъ которымъ внизу разрушившіяся твердыя ворота; по отлогостямъ горы, столпы, ходы, храмъ, садъ и другія въ разныхъ мѣстахъ строенія, но крѣпкій тотъ замокъ вскорѣ ниспалъ, а на мѣсто его показалась страшная огнедышущая гора съ текущею изъ нея огненною рѣкою, или такъ называемою лавою; прочее все въ прежнемъ своемъ состояніи осталось. Всѣ сіи щиты, разными огнями великолѣпно украшенные, служили для освѣщенія дороги; а какъ дорога сія до самой горы прямо простирается чертою, то можно было ихъ всѣхъ уже отъ Трехъ Рукъ вдали видѣть; наипаче же Пулковская гора между прочими прекраснымъ блистаніемъ отличалась. Поднявшимся на гору новое представлялось позорище. Послѣднія отсюда до Царскаго Села пять верстъ расцвѣчены были фестонами изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарей, протянутыхъ чрезъ дорогу, по коей ѣхали, между ими поставлены были пирамиды, убранныя огнями, а по обѣимъ сторонамъ дороги горѣли плошки. Тутъ, разстояніемъ другъ отъ друга въ 300 саженяхъ, построены были большія деревенскія свѣтлицы, утыканныя ельникомъ, и иллюминованныя вышеписанными пестрыми фонарями; въ трехъ изъ нихъ представлялась русская крестьянская свадьба, изъ коихъ въ одной ужинали, въ другой пѣсни пѣли, въ третьей плясали, въ четвертой же и пятой отправлялась чухонская свадьба. Противъ Царскосельскаго училища, по приказанію оберъ-егермейстера Семена Кирилловича Нарышкина и подъ смотрѣніемъ егермейстера фонъ-Польмана, у ручья въ лѣсу, сооружена была гора Діанина со храмомъ ея, вся иллюминованная, на коей слышна была роговая охотничья музыка. Оттуда такая же иллюминація продолжалась до самаго Царскосельскаго дворца, куда въ 8 часовъ ея величество прибыть соизволила и встрѣчена была на трубахъ и литаврахъ, съ балкона, который надъ подъѣздомъ къ большому крыльцу; потомъ начался маскарадъ. Въ продолженіе онаго зажженъ былъ на дворѣ предъ палатами фейер-

веркъ, который, такъ какъ иллюминація отъ Трехъ Рукъ до Пулковской горы, подъ повелѣніями генерала-фельдцейхмейстера графа Григорія Григорьевича Орлова, устроенъ былъ. Изображеніе сего огненнаго представленія по срединѣ показывало курящійся жертвенникъ Дружбы, предъ которымы Союзничество и Чистосердечіе обнимаются, попирая ногами своими змію зависти, кинжалъ злобы и свѣщу несогласія. Россія, да не погаснетъ сіе благопріятное кадило, сыплетъ въ огонь ѳиміамъ; по прошествіи въ верху облаковъ, въ ясномъ сіяніи представилось Благополучіе съ рогомъ изобилія, изъ котораго падали цвѣты и плоды на россійскій императорскій и на королевскій прусскій гербы надъ жертвенникомъ связанные; на сторонѣ Россіи видима была Побѣда, подъ лавровымъ деревомъ, держащая въ рукѣ россійскій штандартъ, ногами же наступающая на трофеи, въ нынѣшнюю съ турками войну пріобрѣтенные; противъ оныя, на другомъ краю, стоялъ Марсъ, подъ пальмою, опирающійся на трофеи и держащій одною рукою королевскій прусскій штандартъ, другою лавровый вѣнецъ; надъ вензелевымъ именемъ его королевскаго высочества принца прусскаго Генриха подпись на срединѣ: «Соберетъ и потомства плоды»; подъ побѣдою вторая надпись: «За отечество и за союзниковъ». На другомъ краю надпись третья: «Заслужилъ на бранѣхъ».

Въ 11 часовъ ея величество съ принцемъ прусскимъ и многими знатными особами въ картинной залѣ ужинать соизволила на 26-ти кувертахъ; а его императорское высочество съ посломъ англійскимъ, съ чужестранными министрами и со множествомъ знатныхъ особъ вечерній столъ имѣлъ въ своихъ покояхъ; прочіе же, находящіеся въ маскарадѣ, угощаемы были столомъ въ разныхъ другихъ залахъ великолѣпнаго Царскосельскаго дворца; послѣ ужина маскарадъ еще продолжался до 4-хъ часовъ пополуночи. Во все время всего маскарада видна была изъ оконъ Дворца иллюминація изъ разноцвѣтныхъ фонарей, какъ Парнасской горы, предъ онымъ стоящей, такъ всего и окружнаго строенія, называемаго циркумференціею». Императрица и принцъ возвратились въ Петербургъ изъ Царскаго Села 30-го октября.

«Въ 1771 году 8 апрѣля Екатерина II была, между прочимъ, на балконѣ параднаго крыльца, въ нижнихъ покояхъ и въ картинномъ залѣ; 10-го въ 7-мъ часу пополудни ея величество изъ внутреннихъ своихъ апартаментовъ соизволила вытти и проходить на балконъ параднаго крыльца, гдѣ побывавъ малое время, возвратилась въ картинную залу и забавлялась съ кавалерами въ карты до девяти часовъ; въ продолженіе сего придворными музыкантами играно на скрипицахъ съ пѣніемъ малолѣтнихъ пѣвчихъ. 21-го, въ день своего рожденія, Екатерина II со всѣми персонами слѣдовала въ галлерею, гдѣ и состоялось обѣденное кушанье.

Въ продолженіе стола галлереи въ правой комнатѣ (въ серебряной) къ парадному крыльцу играла музыка на волторнахъ и скрипицахъ съ хоромъ пѣвчихъ. Въ сей день поутру и на балѣ дамы были въ робронахъ, а кавалеры въ цвѣтныхъ платьяхъ. Ливрейные служители носили статсъ-ливрею». 1-го мая, въ воскресенье «по утру въ комнатахъ отправляема была утреня, а въ 1-мъ часу ея императорское величество божественную литургію соизволила слушать въ придворной церкви. По окончаніи оной прибыла въ картинную залу, въ которой ея императорскому величеству митрополитъ Кіевскій Гавріилъ для отъѣзда своего въ Кіевскую епархію приносилъ подданѣйшее поклоненіе, при засвидѣтельствованіи усерднѣйшей своей благодарности за высочайшія къ нему благодѣянія, причемъ говорилъ и краткую приличную рѣчь; по окончаніи оной, поднесъ ея величеству святую икону. По принятіи ея величествомъ той святой иконы, помянутаго митрополита всемилостивѣйше соизволила пожаловать къ рукѣ, такожъ и синода члена, преосвященнаго архіепископа Платона Тверскаго и Кашинскаго къ рукѣ жъ жаловать соизволила. Обѣденное кушанье ея императорское величество соизволила кушать съ означенными преосвященными, также и съ прибывшимъ изъ Петербурга генералитетомъ и съ находящимися въ свитѣ своей обоего пола въ 29 персонахъ. А въ вечеру, въ обыкновенное время, соизволила ея величество вытти въ янтарную комнату и съ кавалерами забавляться въ карты до 10-го часа».

Въ 1772 году государыня переѣхала въ Царское Село 23-го апрѣля и вскорѣ по прибытіи своемъ во дворецъ вышла въ пилястровую комнату «съ дамами и кавалерами продолжать время въ разговорахъ». 30-го въ 7 часовъ вечера, въ присутствіи императрицы, «на театрѣ, что за галлерею, представлена была новая россійская комедія съ піесою, безъ балета, послѣ которой въ портретной комнатѣ ея величество соизволила всѣхъ актеровъ жаловать къ рукѣ». 7-го мая, на томъ же театрѣ дается французская комедія. 12-го мая, въ 5-мъ часу Екатерина съ дамами, фрейлинами и кавалерами «проходила въ галлерею и забавлялась въ мячики». Игра въ мячъ была однимъ изъ любимыхъ развлеченій Екатерины въ Царскомъ Селѣ. 25-го «на балконѣ большого параднаго крыльца», въ присутствіи императрицы, Левъ Александровичъ Нарышкинъ «для увеселенія игралъ на скрипицѣ, а госпожи дамы и фрейлины съ кавалерами танцовали». 19-го іюня Екатерина и великій князь Павелъ Петровичъ со свитою въ 4 часа дня «проходили въ комнату, гдѣ театръ, и смотрѣли представленіе, состоящее въ разныхъ фигурахъ, представленныхъ нововыѣзжимъ англичаниномъ». Черезъ мѣсяцъ, 19-го августа, въ китайской комнатѣ Екатеринѣ были представлены старшины запорожскихъ войскъ, которыхъ она и великій князь Павелъ Петровичъ «жаловали къ рукѣ». Въ тотъ же

день «въ покояхъ была представлена на небольшомъ театрѣ госпожами фрейлинами и господами придворными кавалерами комедія, на россійскомъ діалектѣ, называемая «Бригадиръ», для которой всѣмъ знатнымъ обоего пола персонамъ для входа смотрѣнія оной и билеты въ С.-Петербургъ посланы были. Въ 6-мъ часу пополудни изъ С.-Петербурга госпожи фрейлины и знатныя персоны имѣли пріѣздъ въ Село Царское и проходили въ театральную комнату, куда въ началѣ 7-го ч. ея императорское величество и его императорское высочество, въ провожаніи придворнаго штаба, прибыть соизволили, и тотчасъ началась комедія, которая и кончилась въ половинѣ 8-го часа. Послѣ оной, прибывъ въ картинный залъ, ея величество повелѣть соизволила быть балу, для котораго прибывшія изъ Петербурга фрейлины и приглашены были, и начался въ картинной залѣ увеселительный балъ и продолжался до начала 11-го часа. По окончаніи онаго, ея величество и его высочество отбыли въ свои апартаменты, а бывшія па балѣ персоны пошли въ столовую комнату, въ которой пріуготовленъ былъ ужинъ».

Описывая госпожѣ Бьелке, веселую жизнь въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ 1772 г., Екатерина II говоритъ: «Никогда мы такъ не веселились, какъ въ эти девять недѣль, проведенныхъ въ Царскомъ Селѣ съ моимъ сыномъ, который дѣлается хорошенькимъ мальчикомъ. Утромъ мы завтракали въ прелестной залѣ, расположенной близъ озера, и расходились, нахохотавшись досыта. Послѣ этого каждый занимался своимъ дѣломъ; потомъ обѣдъ; въ шесть часовъ прогулка или спектакль, а вечеромъ подымался шумъ во вкусѣ всѣхъ шумилъ, которые меня окружаютъ и которыхъ здѣсь много. Сынъ мой не хочетъ отставать отъ меня ни на шагъ, и я имѣю честь такъ хорошо его забавлять, что онъ иногда подмѣниваетъ билеты, чтобы сидѣть за столомъ рядомъ со мною. Я думаю мало найти согласія въ расположеніи духа».

15 іюня 1773 года въ Царское Село прибыла ландграфиня Гессенъ-Дармштадская съ своими дочерьми и между ними съ невѣстой великаго князя Павла Петровича (Натальей Алексѣевной). Вечеромъ комнаты и галлереи Царскосельскаго дворца были иллюминованы. Царскосельскіе сады очень понравились ландграфинѣ. Екатерина и во время пребыванія гессенъ-дармштадтскихъ гостей не измѣнила своего обычнаго распредѣленія дня.

Осенью того же года великій князь съ своею молодой супругой и императрица нѣсколько дней (съ 9 по 25 ноября) провели въ Царскомъ Селѣ. 10 ноября Екатерина писала ландграфинѣ: «Дѣти наши, кажется, очень рады переѣзду со мною на дачу въ Царское Село. Молодежь заставляетъ меня по вечерамъ играть и рѣзвиться или, если угодно, я заставляю ихъ этимъ заниматься».

14 апрѣля 1776 года скончалась первая супруга Павла Петровича Великая Княгиня Наталія Алексѣевна. Въ тотъ же день Екатерина съ великимъ княземъ и принцемъ Генрихомъ переѣхала въ Царское Село. 26 апрѣля въ Невской Лаврѣ состоялось погребеніе покойной Великой Княгини. Екатерина была на немъ, а Павелъ Петровичъ нѣтъ. Два мѣсяца, слѣдовавшіе за кончиною Натальи Алексѣевны (до 13 іюня), провели императрица съ своимъ сыномъ въ Царскомъ Селѣ, совершая увеселительныя поѣздки въ Таицы, Гатчину и Петергофъ, присутствуя на крестинахъ, свадьбахъ, представленіяхъ офицеровъ и сержантовъ кавалергардскаго корпуса, на концертахъ и спектакляхъ, которые возобновились немедленно послѣ похоронъ Наталіи Алексѣевны. Въ самый день погребенія, 26 апрѣля, государыня посѣтила Смольный монастырь, а 30 апрѣля монастырь праздновалъ первый выпускъ своихъ питомицъ. Изъ числа окончившихъ курсъ воспитанницъ Екатерина взяла ко двору Алымову, Борщову, Левшину, Молчанову и Нелидову. Ихъ привезли въ Царское Село, гдѣ и начали примѣнять къ дѣлу познанія, пріобрѣтенныя ими въ теченіе двѣнадцатилѣтняго курса, подъ главнымъ руководствомъ Ивана Ивановича Бецкаго. Познанія эти заключались въ умѣньѣ бѣгло говорить по-французски, пѣть и играть на театрѣ.

31 августа того же 1776 г. въ Царское Село прибыла вторая невѣста Павла Петровича, впослѣдствіи императрица Марія Ѳеодоровна.

Въ 1777 году Екатерина переѣхала въ Царское Село 25 апрѣля. На слѣдующій день въ китайскомъ залѣ, въ присутствіи государыни, Павла Петровича и великой княгини Маріи Ѳеодоровны, состоялся концертъ «такой же, какіе бываютъ въ С.-Петербургѣ. Пѣвицы и музыканты привезены были изъ Петербурга и трактованы были обѣдомъ и ужиномъ». 7 мая въ 6 ч. вечера Екатерина играетъ въ карты въ картинномъ залѣ, «притомъ музыкантъ Пальцо игралъ на вновь сдѣланныхъ клавикордахъ съ органами». 10 мая, на праздникъ преполовенія, въ 10 ч. утра въ комнатахъ дворца совершается утреня, въ началѣ 12-го Екатерина, великій князь и великая княгиня и герцогиня Курляндская идутъ въ придворную церковь и слушаютъ литургію съ хоръ; предъ окончаніемъ ея сходятъ съ нихъ въ церковь и по отпускѣ, въ предпесеніи хоругвій, за священниками идутъ садомъ для освященія воды на прудъ, гдѣ гротъ. По сторонамъ идутъ ливрейные служители. Крестъ погружали съ поставленнаго у берега судна. Императрица, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна приложились къ кресту и пили святую воду, затѣмъ, проводивши процессію обратно до церкви, обѣдали на галлереѣ.

«Около 6 ч. вечера Екатерина, ихъ высочества и герцогиня были въ гротѣ и у горъ ея величество и его высочество качались на ка-

челяхъ». Отсюда Павелъ Петровичъ «ѣздилъ съ кавалерами на карусели».

На Духовъ день, 6 іюня, въ Царское Село пріѣхалъ шведскій король Густавъ III.

Въ Царскомъ Селѣ королю пришлось быть на трехъ великосвѣтскихъ свадьбахъ во дворцѣ.

Особое торжество происходило въ Царскомъ Селѣ 22 іюля въ день тезоименитства великой княгини Маріи Өеодоровны.

2 сентября «въ обыкновенное время» императрица играла въ карты съ Григоріемъ Орловымъ въ бѣлой портретной комнатѣ, при чемъ была музыка «во-первыхъ, на гусляхъ, а потомъ съ пѣніемъ фрейлинами Екатериною Алексѣевною Синявиною и Александрою Петровной Левшиной по-итальянски на клавицинахъ».

27 апрѣля 1779 г. въ 9 часу утра въ Царскосельскомъ дворцѣ родился великій князь Константинъ Павловичъ. Крещеніе происходило въ томъ же дворцѣ 5 мая. Къ купели младенца несла герцогиня Курляндская на золотой глазетовой подушкѣ, поддерживаемой справа оберъ-шенкомъ Александромъ Александровичемъ Нарышкинымъ, а слѣва—генералъ-аншефомъ Николаемъ Ивановичемъ Салтыковымъ. Крестилъ Константина Павловича духовникъ императрицы протоіерей Иванъ Ивановичъ Панфиловъ.

23 апрѣля 1780 г. Екатерина пріѣхала въ Царское Село.

Въ 1780 году въ Царскомъ Селѣ нѣсколько дней гоститъ Австрійскій (Римскій) императоръ Іосифъ II, прибывшій въ Россію подъ именемъ графа Фалькенштейна.

Бригадиръ Безбородко 26 мая названнаго года увѣдомилъ генерала Кашкина, что графъ прибудетъ въ Царское Село не ранѣе 20 іюня; «а какъ онъ нигдѣ кромѣ трактировъ не останавливается и сего обычая ни почему не перемѣняетъ, и потому угодно ея величеству, чтобы въ новой банѣ (въ мыльнѣ ихъ высочествъ) запереть комнату, гдѣ поставлены ванны, изготовя всѣ потребныя мебели, назвать сіе зданіе постоялымъ или вольнымъ домомъ, поставить наверху вывѣску, подобную на присланномъ тогда пакетѣ, и чтобы вся прислуга была по обыкновенію трактирному; комнату, гдѣ ванна, покрыть поломъ, дабы и она могла служить комнатою для графа, баню запереть, а садовникъ Бушъ въ видѣ содержателя трактира, чтобы получше приготовился сыграть сію роль, ему назначенную».

Императоръ пріѣхалъ въ Царское Село раньше 20 іюня. 18 іюня въ четвергъ, поутру, въ 10 часовъ,—говорится въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ,—«прибытіе имѣлъ изъ С.-Петербурга въ Царское Село его сіятель-

ство графъ Фалькенштейнъ съ цезарскимъ министромъ, обрѣтающимся при здѣшнемъ императорскомъ дворѣ посланникомъ графомъ Кобенцелемъ, которые по прибытіи ко дворцу, вышедъ изъ кареты у дѣлающагося вновь крыльца параднаго, слѣдовали: его сіятельство графъ Фалькенштейнъ чрезъ средній большой подъѣздъ по деревянной лѣстницѣ въ покои, гдѣ въ картинной комнатѣ и встрѣченъ былъ г. гофмаршаломъ кн. Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Барятинскимъ и препровожденъ во внутренніе ея величества апартаменты, а г. посланникъ гр. Кобенцель, не входя съ его сіятельствомъ графомъ Фалькенштейномъ вверхъ, слѣдовалъ же въ циромференцъ». Побывавъ съ императоромъ въ большомъ залѣ, новостроящемся флигелѣ, что съ садовой стороны, Екатерина обѣдала «въ залѣ» съ гостемъ и «съ прибывшими изъ города знатными придворными персонами на 36-ти кувертахъ». За обѣдомъ «играла итальянская инструментальная и вокальная музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ. Столъ сервированъ ординарнымъ сервизомъ въ двѣ перемѣны. Для его сіятельства графа Фалькенштейна столовый приборъ положенъ былъ золоченый, кушанье подавалъ его сіятельству бывшій за его стуломъ камеръ-пажъ, принимая оное отъ форшнейдера. При этомъ же столѣ хрустальная посуда была золоченая». Въ $^1/_2$ 7 ч. вечера въ картинной комнатѣ состоялся концертъ», съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ». «Ея императорское величество во время концерта, продожая разговоръ, потомъ съ его сіятельствомъ графомъ Фалькенштейномъ шествовать изволила въ нижній садъ, гдѣ, гуляя по разнымъ мѣстамъ, была въ адмиралтействѣ въ Голландскомъ домикѣ». Около 9 час. вечера императоръ уѣхалъ ночевать въ Петербургъ.

На слѣдующій день онъ прибылъ въ Царское Село утромъ въ $^1/_2$ 11 час. Графъ Фалькенштейнъ остановился на «тотъ разъ въ назначенномъ къ пребыванію его сіятельству домѣ, на тотъ случай пріуготовленномъ близъ дворца, въ которомъ до того жительство имѣли господа гофмаршалы и въ который опредѣлены были для услугъ его сіятельству подъ названіемъ лонъ-лакеевъ два придворные лакея безъ казенной ливреи».

Вечеромъ 20-го Екатерина, императоръ, вел. кн. Павелъ Петровичъ и вел. кн. Марія Ѳеодоровна были въ нижнемъ саду, «гдѣ, во время высочайшаго пребыванія, на островѣ играла роговая музыка». Императоръ въ этотъ день ночевалъ въ Петербургѣ, 21—онъ въ Царское Село не пріѣзжалъ, 22—провелъ въ Царскомъ Селѣ и ночевалъ «въ своей квартирѣ», 23—выѣхалъ совсѣмъ изъ Царскаго Села.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ настоящихъ выдержекъ изъ камеръ-фурьерскаго журнала, «графу Фалькенштейну» въ Царскомъ Селѣ не удалось провести нѣсколько дней вполнѣ «по-трактирному».

Лѣтомъ 1783 года Екатерина въ Царскомъ Селѣ занималась со своими внуками и была въ восторгѣ отъ нихъ, особенно отъ Александра.

Вотъ что, между прочимъ, писала она 3 іюня изъ Царскаго Села Гримму: «Поговоримъ о пріятныхъ предметахъ. Если бы видѣли, какъ господинъ Александръ копаетъ землю, сѣетъ горохъ, сажаетъ капусту, пашетъ сохой, съ плугомъ, боронитъ, потомъ весь въ поту идетъ мыться въ ручьѣ, послѣ чего беретъ свою сѣть и съ помощью сударя Константина принимается за ловлю рыбы. Они отдѣляютъ щукъ отъ окуней, потому что щука,—говоритъ Александръ,—поѣдаетъ другихъ рыбъ, стало-быть, ее надо держать особо. Въ видѣ отдыха онъ разыскиваетъ своего учителя письма или рисованія; онъ учится у обоихъ по методѣ нормальныхъ школъ. Все это дѣлается по собственному почину и съ одинаковымъ рвеніемъ, не замѣчая даже, что мы все это дѣлаемъ; насъ ни къ чему не принуждаютъ; зато мы веселы и живы, какъ рыбка. Нѣтъ ни выговоровъ, ни дурного расположенія, ни упрямства, ни слезъ, ни крика. Мы беремъ книгу, чтобъ читать, съ тою же охотой, съ какою вскакиваемъ въ лодку, чтобъ грести. И надо еще посмотрѣть на насъ, когда мы находимся въ лодкѣ. Александръ обладаетъ удивительною силою и ловкостью. Недавно генералъ Ланской принесъ панцырную рубашку, которую я едва могла поднять одной рукою. Господинъ Александръ схватилъ ее и принялся съ нею бѣгать такъ проворно, что его съ трудомъ можно поймать».

17 апрѣля слѣдующаго года Екатерина II въ 11 ч. утра выѣхала въ Царское Село въ шестимѣстной каретѣ, въ которой съ ней сидѣли: камеръ-фрейлина Анна Степановна Протасова, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Александръ Дмитріевичъ Ланской, генералъ-адъютантъ графъ Ангальтъ. Сзади въ каретахъ ѣхала свита, въ числѣ первыхъ — фрейлины Марья и Наталья Васильевны Шкурины. «Въ 5 минутъ 2-го часа пополудни, прибывъ ея императорское величество въ Царское Село, на дворъ къ большому подъѣзду, шествовала чрезъ большое зало и парадные покои въ комнату ліонскую, куда вскорѣ прибыли изъ своихъ покоевъ ихъ императорскія высочества великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, а потомъ прибыли туда жъ государь цесаревичъ и государыня великая княгиня». Въ этотъ свой пріѣздъ государыня обѣдаетъ обычно въ зеркальной комнатѣ дворца.

4 іюня послѣ полудня Екатерина гуляла съ великими князьями въ саду, и здѣсь, «по соизволенію ея императорскаго величества, для забавы ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей представлены были цесарцами обезьяны, и оныя при битьѣ въ бубны плясали, потомъ помянутымъ цесарцамъ отъ ея императорскаго величества пожаловано денегъ

60 руб., а ихъ императорскія высочества соизволили возвратиться въ свои покои».

25 іюня Екатерина уже «обѣденнаго кушанья имѣть не изволила и изъ внутреннихъ покоевъ выхода не имѣла. На сіе 25-ое число, пополудни, въ половинѣ 5 часа скончался его превосходительство Александръ Дмитріевичъ Ланской, отъ арміи генералъ-поручикъ, ея императорскаго величества генералъ-адъютантъ, кавалергардскаго корпуса поручикъ, дѣйствительный камергеръ и орденовъ святого Александра Невскаго, Шведскаго Сѣверныя звѣзды, Гольштинскаго святыя Анны и польскихъ — Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеръ».

27-го около 9 часовъ утра «тѣло покойнаго его превосходительства Александра Дмитріевича Ланского изъ дому его, имѣющагося въ Софіи, вынесено съ должною честью въ соборную Софійскую церковь, гдѣ оное послѣ литургіи отпѣто высокопреосвященнымъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ съ другими тремя архіереями и съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ, потомъ для погребенія всѣмъ онымъ духовенствомъ, также знатнѣйшими обоего пола особами изъ соборной церкви препровождено до кладбища и въ имѣющейся тутъ часовнѣ предано землѣ».

28-го іюня, въ день торжества восшествія на престолъ, и 29-го, въ день тезоименитства великаго князя Павла Петровича, государыня изъ своихъ покоевъ не показывалась, во время стола музыки не было и кубки на оный не ставлены; предъ покоями дворца поздравленія не было.

Потеря Ланского произвела ужасное впечатлѣніе на государыню, она заболѣла съ тоски, и ей пришлось пустить кровь.

«Здоровье ея величества,—писалъ Безбородко князю Потемкину 26 іюля,—продолжаетъ быть въ такомъ состояніи, какъ я доносилъ вашей свѣтлости послѣднимъ моимъ письмомъ. Кровопусканіе вчерашнее сдѣлало, кажется, облегченіе. Изъ выпущенной крови первыя двѣ чашки были чрезвычайно инфламированныя. Боль въ горлѣ еще не проходитъ, но, по увѣренію Рожерсона, она не опасна. Сію ночь проводила ея величество весьма безпокойно, чувствовала вѣтры и стѣсненіе въ груди; съ помощью лѣкарства, обыкновенно ею въ такихъ случаяхъ употребляемаго, боль сія утушена была; сегодня поутру приняла соль для очищенія груди и желудка. Рожерсонъ увѣряетъ, что при извѣстномъ ея величества отъ пищи воздержаніи физическое состояніе вскорѣ поправится; но нужнѣе всего находитъ стараться объ истребленіи печали и всякаго душевнаго безпокойства, кои и понынѣ въ самой высшей степени продолжаются. Къ сему одно намъ извѣстное есть средство—скорѣйшій пріѣздъ вашей свѣтлости, прежде котораго не можемъ мы спокойны быть. Государыня меня спрашивала, увѣдомилъ ли я васъ о всемъ происшедшемъ, и всякій день навѣдывается,

сколь ожидать васъ возможно. По сію пору еще ея величество, кромѣ великаго князя, великой княгини, Н. И. Салтыкова, графа А. П. Шувалова и меня, никого къ себѣ допускать не изволитъ; большею же частью хочетъ все одна оставаться. Погребеніе вчера поутру въ городѣ Софіи совершено. Сколько мы ни старались отправить его, взявъ всѣ распоряженія на себя и ни о чемъ не докладывая, но безпрерывно о томъ выспрашивали, и сіе только умножало болѣе печаль».

Императрица воздвигла надъ могилою Ланского церковь, а великая княгиня Марія Ѳеодоровна нарисовала его портретъ, который съ этого рисунка вырѣзанъ былъ Валькеромъ.

Поспѣшившій на помощь Екатеринѣ Потемкинъ занялся пріисканіемъ новаго кандидата на должность фаворита.

«Императрица,—говоритъ Энгельгардтъ,—очень обрадована была пріѣздомъ князя» (въ Петербургъ); «потерею любимца своего она огорчилась, на нѣкоторое время при дворѣ оставлены были увеселенія. Въ придворной церкви у обѣдни сколько молодыхъ людей вытягивались, кто сколько-нибудь собою былъ недуренъ, помышляя сдѣлать такъ легко свою фортуну».

Черезъ годъ императрица уже снова жила спокойною жизнью въ Царскосельскомъ дворцѣ и утѣшалась внуками.

10 августа 1785 года она пишетъ Гримму: «Въ эту минуту господа Александръ и Константинъ очень заняты. Они бѣлятъ снаружи домъ въ Царскомъ Селѣ, подъ руководствомъ двухъ шотландскихъ штукатуровъ, и, Богъ знаетъ, какими мастерствами они уже не занимались».

1 іюля 1786 г., въ понедѣльникъ, въ день праздника Сошествія Св. Духа, въ 10 часу утра, по словамъ камеръ-фур. журнала, въ покояхъ ея императорскаго величества начата и отправлялась священникомъ утреня. А какъ сего числа, по соизволенію ея императорскаго величества, назначено въ Царскосельской придворной церкви посвященіе изъ архимандритовъ Грузинскаго царевича Антонія въ архіепископы, и для того поутру же въ 9 ч. имѣли пріѣздъ въ Царское Село первенствующій членъ синода преосвященный Гавріилъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, и члены же синода преосвященный Иннокентій, архіепископъ Псковскій и Рижскій, а Амвросій, епископъ Олонецкій и Каргопольскій, съ прочимъ знатнымъ духовенствомъ, и собирались въ помянутой церкви. Потомъ, въ обыкновенное время собирались же въ покои ея величества какъ находящіяся въ свитѣ, такъ и съѣхавшіяся въ Царское Село знатныя россійскія обоего пола персоны, и въ то же время въ апартаменты ея величества прибыть изволили изъ своихъ покоевъ ихъ императорскія высочества государь цесаревичъ и государыня великая княгиня

и государи великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ. Посемъ въ $^{1}/_{4}$ 12 ч. ея величество, обще съ ихъ высочествами, вышедъ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ въ арабесковую комнату, изъ оной, въ преслѣдованіи придворныхъ кавалеровъ и въ провожаніи камеръ-фрейлины, фрейлинъ и знатнаго генералитета, шествовать изволила чрезъ парадную лѣстницу и потомъ садомъ въ придворную церковь, и при входѣ въ оную встрѣтили ея величество и ихъ высочества преосвященный митрополитъ и прочее духовенство съ крестомъ, къ которому приложась, ея императорское величество и ихъ императорскія высочества потомъ стать изволили на свои мѣста. Потомъ начался обрядъ къ посвященію помянутаго архимандрита Антонія въ архіепископа, которое во время литургіи и совершено преосвященнымъ митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ и прочимъ знатнымъ духовенствомъ. По окончаніи литургіи, въ церкви же ея величество и ихъ высочества изволили жаловать къ рукѣ какъ синода членовъ, такъ и прочихъ духовныхъ, при чемъ вновь посвященный Антоній архіепископъ приносилъ всенижайшее благодареніе. По возвращеніи изъ церкви, въ покояхъ ея императорское величество изволила жаловать къ рукѣ знатныхъ особъ и придворныхъ кавалеровъ, а потомъ, обще съ ихъ императорскими высочествами государемъ цесаревичемъ и государынею великою княгинею, изволила имѣть обѣденное кушанье въ большомъ залѣ на 46-ти кувертахъ, при обыкновенной во время стола музыкѣ».

11 мая 1793 года великій князь Александръ Павловичъ и принцесса Луиза, послѣ обрученія, прибыли въ Царское Село. Составленное по этому случаю стихотвореніе «Амуръ и Психея» было переложено придворнымъ музыкантомъ Пашкевичемъ на музыку и пѣто на Царскосельской колоннадѣ.

Объ этомъ времени Ѳ. В. Растопчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову: «Пребываніе въ Царскомъ Селѣ необыкновенно пышно; образовался новый Дворъ; много дамъ, слѣдовательно, много суеты, и исторіямъ нѣтъ конца. Великая княжна Елисавета пользуется всеобщею любовью».

18 іюля 1792 года въ царскомъ Селѣ происходило крещеніе великой княжны Ольги Павловны, при чемъ «никакого произвожденія не было».

Интересны воспоминанія Башилова (камеръ-пажъ при дворѣ съ 1793 г.) о пребываніи Екатерины и Двора въ Царскомъ Селѣ. «Когда императрица,— говоритъ онъ,—жила въ Царскомъ Селѣ, то все семейство царское жило съ нею, а Павелъ Петровичъ съ супругой въ Павловскѣ. Выходъ императрицы на гулянье было торжество для знатныхъ, которые добивались благосклонности и взгляда. Для насъ она казалась богинею, и лицо ея сіяло, какъ солнце. Тутъ во время прогулки на лугу игрывали въ игры

почти военные, de barre и были двѣ стороны войска, одна подъ командою Александра, другая—Константина; офицеры все были ребята славные, веселые, а именно—графъ Чернышевъ, графъ Эльмптъ и многіе другіе; войско были великія княжны и амазонки-фрейлины. Императрица потѣшалась внуками и любовалась тою непринужденностью, какою всѣ пользовались, несмотря на царицу, обладательницу полушара земного. Тутъ брали въ плѣнъ стариковъ, какъ-то: князя Несвицкаго, графа Строгонова, Черткова, князя Барятинскаго. Они служили аманатами. Князь П. А. Зубовъ также бѣгалъ, воевалъ, и его сотрудникъ былъ С. Л. Львовъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ въ Царскомъ Селѣ императрица во время прогулки шла медленно, за нею—вся свита, а въ концѣ кортежа—пажи. Разставленныя копны съ сѣномъ представляли собою деревню, съ тою только разницею, что луга Екатерины были эдемъ; цѣлыя поля розовыя. Князь Зубовъ, подозвавъ меня ,сказалъ: «Возьмите генерала Львова и бросьте на копну». Повиноваться должно было, но какъ схватить Львова: генералъ въ лентѣ, старикъ, любимый царицею; ну какъ осердится: бѣда, опять розги! Что же? Чтобы гулянье сдѣлать веселѣе и царицу посмѣшить, князь Зубовъ осмѣлился взять клочокъ сѣнца и очень вѣжливо положилъ на плечо царицѣ. Это было сигналомъ штурма; безначаліе, и кто во что гораздъ—пошли разметывать копны, бросать на фрейлинъ и кавалеровъ, а насъ, стая пажей, бросилась на Львова, повалили на копну, и ну его заваливать сѣномъ; онъ кричитъ, бранится, а князь Зубовъ съ великими князьями—ну его тащить за ноги. Копны всѣ разметали; императрица сѣла на скамейку, смѣялась. Тутъ досталось и другимъ, старухамъ статсъ-дамамъ, камеръ-фрейлинѣ Протасовой и графинѣ Ливенъ; но всѣ шутили, бѣгали, не сердились, за нами гонялся Львовъ, и наши вержеты растрепались; и мы Барятинскому также услужили: царица кивнула, мы забыли страхъ, и князь Барятинскій былъ осыпанъ сѣномъ. Иногда, лучше сказать, весьма часто императрица любовалась великими княжнами, и онѣ въ русскомъ сарафанѣ плясали по-русски подъ двѣ скрипки, на которой на одной игралъ старикъ капельмейстеръ Пасковичъ, полковничьяго ранга, въ большомъ пудренномъ парикѣ, въ шитомъ кафтанѣ, при шпагѣ, а secondo игралъ тоже какой-то 70-лѣтній дѣтина. Судите сами, съ какимъ мы восторгомъ смотрѣли на умилительное лицо Великой Екатерины, на ея радость и, наконецъ, на обниманіе двухъ ангеловъ въ сарафанахъ. Недостаетъ силъ все описать, памяти не станетъ, когда вспомнишь, что это было въ 1794 или 1795 году».

«Не могу не разсказать еще одинъ вечеръ въ Царскомъ Селѣ,—продолжаетъ Башиловъ, государыня, нагулявшись, всегда садилась играть въ шахматы вчетверомъ, а иногда въ вистъ. Кавалеры все были дѣти по 80

лѣтъ, и это всегда было въ билліардной комнатѣ. Великіе князья, великія княжны играли всегда въ фанты, а главные коноводы были: любезнѣйшій изъ придворныхъ графъ Чернышевъ и любезно-дерзкій графъ Эльмптъ. Всегда бывало играли въ муфти «par ordre de moufti», и муфти всегда былъ Эльмптъ. Онъ дурачился, обманывалъ, ловилъ, и фантовъ набиралась цѣлая шляпа. Фанты вынимала А. С. Протасова, и достался фантъ «le docteur et le malade,» больной былъ А. П. Нащокинъ, а лѣкарь графъ Эльмптъ. Сняты были чахлы съ креселъ, устлали билліардъ, положили Нащокина, оборотили стулъ вмѣсто подушки, повязали голову салфеткой, убрали тѣло чахлами бѣлыми и сдѣлали халатъ. Повели предъ царицею кругомъ билліарда; всѣ шли по два въ рядъ, а графъ Эльмптъ сзади шелъ. Привязали къ петлицамъ нѣсколько пустыхъ бутылокъ, длинные бумажные ярлыки, каминная кочерга коротенькая вмѣсто клистирной трубки; положили Нащокина, и ну ему ставить клистиръ. Государыня такъ хохотала, что почти до слезъ. Я думаю, каково было и Нащокину. Онъ сердился, вертѣлся, но повиновался, какъ тотъ вельможа въ «Горе отъ ума». Потомъ опять фантъ: «ambassade turque»; камергеръ Олешевъ избранъ, онъ былъ очень тихъ, скроменъ, родня Суворову, и желалъ такъ веселиться, какъ иному весело лѣзть на висѣлицу; но дѣлать нечего: «il fallait des plastrons». Эльмптъ, главный церемоніймейстеръ, а пажи всегда были его прислужниками и все мигомъ достанутъ. Опять чахлы съ креселъ, сдѣлали на Олешева чалму, нажгли пробку, намарали брови, сдѣлали бороду черною, одѣли въ чахлы и навѣшали шалей. Онъ морщился, просилъ пощады, но безъ этой процессіи веселья бы не было. Шутка эта впослѣдствіи имѣла весьма непріятное окончаніе. Олешевъ, котораго Павелъ Петровичъ любилъ, бывши дежурнымъ въ Павловскѣ, говорилъ объ этой насмѣшкѣ и, когда государь Павелъ Петровичъ вошелъ на престолъ, то графъ Эльмптъ выключенъ былъ изъ службы и отосланъ къ отцу въ Ригу.

Державинъ въ своихъ запискахъ, между прочимъ, разсказываетъ: «Однажды (именно 15 іюля 1792 года)» по наступленіи 7 часа, въ который обыкновенно государыня хаживала съ придворными въ Царскомъ Селѣ въ саду прогуливаться, вышелъ Державинъ изъ кабинета въ свою комнату, дабы отправить нѣкоторыя ея повелѣнія по дѣламъ, по коимъ онъ докладывалъ, и, окончивъ оныя, пошелъ въ садъ, дабы имѣть участіе въ прогулкѣ. Статсъ-секретарь Петръ Ивановичъ Турчаниновъ, встрѣчая его, говорилъ: «Государыня нынче скучна, и придворные какъ-то никакихъ не заводятъ игръ; пожалуй, братецъ, пойдемъ и заведемъ хотя горѣлки,—Державинъ послушался. Довелось ему со своею парою ловить двухъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей,—онъ погнался

за Александромъ и, догоняя его на скользскомъ лугу, покатомъ къ пруду, упалъ и такъ сильно ударился о землю, что сдѣлался блѣденъ, какъ мертвецъ. Онъ вывихнулъ въ плечѣ изъ состава лѣвую руку. Великій князь и прочіе придворные побѣжали къ нему и, поднявъ едва живого, отвели его въ его комнату. Хотя вправили руку, но онъ не могъ одѣться и долженъ былъ оставаться дома обыкновенныхъ шесть недѣль, пока нѣсколько рука въ составѣ своемъ не затвердѣла».

25 іюня 1796 года въ Царскомъ Селѣ родился великій князь Николай Павловичъ. Въ это время Екатерина, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна жили въ старомъ дворцѣ, — вел. князь и вел. княгиня — въ комнатахъ близъ церкви, выходящихъ окнами въ садъ, гдѣ впослѣдствіи жила императрица Елисавета Алексѣевна.— 25 іюня въ $3^1/_2$ ч. утра Екатеринѣ дано было знать чрезъ камердинера, присланнаго изъ комнатъ ихъ высочествъ, что великая княгиня должна скоро разрѣшиться отъ бремени; чрезъ четверть часа тотъ же камердинеръ доложилъ о рожденіи новаго великаго князя. Тогда государыня прибыла на половину цесаревича и, въ ея присутствіи, царскій духовникъ протоіерей Савва Исаевъ совершилъ молитву надъ новорожденнымъ, котораго нарекли Николаемъ. О рожденіи великаго князя было объявлено въ Царскомъ Селѣ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ.

Раннимъ утромъ того же дня вел. князь Павелъ Петровичъ одинъ отслушалъ благодарственный молебенъ въ Царскосельской придворной церкви. Въ 10 ч. утра онъ принималъ поздравленія отъ придворныхъ особъ, при чемъ жаловалъ ихъ къ рукѣ. Въ полдень было совершено торжественное молебствіе въ присутствіи Екатерины и всего Двора; затѣмъ она принимала поздравленія и жаловала къ рукѣ. По случаю рожденія вел. кн. Николая Павловича, въ царскосельскомъ дворцѣ того же 25 іюня состоялся парадный обѣдъ на 64 куверта, но безъ пушечной пальбы, а 29 іюня въ день тезоименитства Павла Петровича—большой балъ для особъ первыхъ пяти классовъ, назначенный, по словамъ камеръ-фурьерскаго журнала, какъ для празднованія сего тезоименитства, такъ и для принесенія поздравленія государынѣ и великому князю съ рожденіемъ Николая Павловича.

Крещеніе новорожденнаго происходило въ воскресенье 6-го іюля.

По случаю рожденія великаго князя Николая Павловича Екатерина написала два очень интересныхъ письма къ Гримму.

25-го іюня она сообщаетъ: «Сегодня въ три часа утра мамаша родила громаднаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ, и кричитъ онъ удивительно, длиною онъ аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки немного поменьше моихъ. Въ жизнь свою въ первый разъ

вижу такого рыцаря. Если онъ будетъ продолжать, какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ».

5-го іюля Екатерина пишетъ тому же Гримму: «Рыцарь Николай уже три дня кушаетъ кашку, потому что безпрестанно проситъ ѣсть. Я полагаю, что никогда еще осьмидневный ребенокъ не пользовался такимъ угощеніемъ; это неслыханное дѣло: у нянекъ просто руки опускаются отъ удивленія; если такъ будетъ продолжать, то придется по прошествіи шести недѣль отнять отъ груди. Онъ смотритъ на всѣхъ во всѣ глаза, голову держитъ прямо и поворачивается не хуже моего».

Императоръ Павелъ I терпѣть не могъ Царскаго Села. Во все свое царствованіе онъ едва ли не одинъ только разъ жилъ здѣсь въ любимомъ дворцѣ его матери,—это съ 17 по 31 іюля 1800 года, и то, должно прибавить, довольно неудачно.

Съ государемъ случилось здѣсь непріятное происшествіе.

Княгиня Гагарина находилась въ числѣ приближенныхъ лицъ, слѣдовавшихъ за Дворомъ, и ей отведена была квартира въ самомъ дворцѣ. Императоръ заходилъ къ ней, по обыкновенію, весьма часто и не переставалъ твердить ей о своей любви. Однажды княгиня рѣшилась бѣжать въ Петербургъ. Не безъ препятствій, однако, удалось ей это исполнить. Придворная челядь, всегда чуткая къ своимъ выгодамъ и, вѣроятно, уже понимавшая желанія государя не отпускать княгиню отъ себя, отказала ей въ придворной каретѣ. Тогда Анна Петровна рѣшилась уйти изъ дворца пѣшкомъ, чтобы отыскать какой-нибудь частный экипажъ. Эта рѣшимость заставила прислугу одуматься, и, едва княгиня вышла изъ дворца, какъ подана была придворная карета, въ которой она и уѣхала въ Петербургъ. Братъ же ея, князь Лопухинъ, пожелалъ слѣдовать за нею, но не могъ ѣхать безъ разрѣшенія государя. Явился къ Павлу, но тотъ былъ не въ духѣ и закричалъ: «Болванъ! на что тебѣ?» Когда князь объяснилъ государю о причинѣ своего намѣренія, то Павелъ очень встревожился и, отвѣчая на собственную свою мысль, сказалъ: «Tout cela, ce sont des exagerations», отпустилъ Лопухина и тутъ же рѣшилъ, что самъ повидается съ княгиней Гагариной.

До 1820 года въ Большомъ Царскосельскомъ дворцѣ произошло мало перемѣнъ.

Въ маѣ 1820 года во дворцѣ случился пожаръ, который повредилъ церковь и двѣнадцать прилегающихъ къ ней дворцовыхъ комнатъ.

Императоръ Александръ Павловичъ былъ чрезвычайно огорченъ этимъ и сказалъ, что «до сихъ поръ онъ былъ такъ избалованъ счастіемъ, что съ сего времени страшится противнаго себѣ».

«На сей случай,—говоритъ Л. Н. Энгельгардтъ,—Л. Нарышкинъ ска-

залъ, что дворецъ Царскосельскій сгорѣлъ отъ того, «Que la cuor n'a pas de pompe», ибо тамъ не было пожарныхъ инструментовъ.

Послѣ пожара дѣятельно принялись за поправку дворца. Въ донесеніи архитектора Стасова отъ 16 сентября 1820 года князю Волконскому о производствѣ художественныхъ работъ во дворцѣ, между прочимъ, читаемъ: «Живопись на холстѣ изъ масла производятъ художники: Академіи профессоръ Шебуевъ—плафонъ въ церковь за сорокъ тысячъ рублей въ 18 мѣсяцевъ съ августа, профессоръ Егоровъ—15 образовъ въ иконостасъ и два на хоры за 8900 рублей въ шесть мѣсяцевъ съ августа, профессоръ Ивановъ—три образа въ алтарь за 2400 руб. въ шесть мѣсяцевъ, профессоръ Тупылевъ—вверхъ на стѣны четыре образа за 1200 руб. въ четыре мѣсяца, академикъ Безсоновъ—плафонъ въ картинную галлерею за двадцать тысячъ рублей въ 11 мѣсяцевъ съ августа и академикъ Брюлловъ два плафона въ гостиную» (Флора и Зефиръ) и столовую (на половинѣ государя) за десять тысячъ рублей въ октябрѣ сего года».

Въ алтарѣ церкви плафонъ («Слава Святого Духа») былъ написанъ въ 1822 г. академикомъ Антонелли за двадцать тысячъ рублей.

На хоры плафонъ (св. Софія и ея дочери Вѣра, Надежда и Любовь) былъ написанъ за тридцать тысячъ рублей художникомъ Отто Игнаціусомъ; впрочемъ, онъ не имѣлъ возможности докончить свою работу, и плафонъ дописывалъ художникъ Густавъ Гиппіусъ въ 1824 г.

Что касается до иконъ церкви, то 23 изъ нихъ (взамѣнъ такого же числа сгорѣвшихъ) было написано новыхъ, а изъ 92 уцѣлѣвшихъ старыхъ многія были подклеены на новый холстъ, съ поправкою живописи, другія же починены въ испорченныхъ, прорванныхъ и измятыхъ мѣстахъ; на иконахъ, написанныхъ на деревѣ и жести, задѣланы трещины.

Часть испорченныхъ картинъ въ картинной галлереѣ была, подъ наблюденіемъ Лабинскаго, исправлена художниками Императорскаго Эрмитажа Бріоски и Бенчини; многія изъ картинъ были переведены и подправлены.

Плафонъ былъ оконченъ Шебуевымъ въ 1823 году.

1-го іюня 1823 года Шебуевъ писалъ президенту Императорской Академіи Художествъ Алексѣю Николаевичу Оленину: «Наконецъ, Богъ меня сподобилъ благополучно окончить великую для меня работу,—плафонъ Царскосельской церкви поставленъ на мѣсто 19-го сего мая мѣсяца и удостоился всемилостивѣйшаго государя императора воззрѣнія! Итакъ, мнѣ бы оставалось только радоваться, если бъ я не имѣлъ жену и дѣтей, для которыхъ одна слава моихъ работъ, буде таковая можетъ мнѣ принадлежать, недостаточна, ибо мнѣ нужно моихъ дѣтей воскормить, воспитать и наградить, хотя и весьма малымъ состояніемъ. Я подрядился по

малой опытности въ столь огромныхъ произведеніяхъ искусства написать помянутый плафонъ въ полтора года за сорокъ тысячъ рублей, полагая получить достаточную отъ него выгоду. Но дѣло вышло совсѣмъ иначе. Вмѣсто полтора года времени, я, при неослабномъ трудѣ, принужденъ былъ работать безъ малаго три года. Къ сей первой для меня неудачѣ во времени присоединился убытокъ въ денежной суммѣ, ибо принужденнымъ нашелся (дабы столько же времени не потерять въ отдѣлкѣ архитектурныхъ украшеній и позолоты около главной плафонной картины) нанять нѣсколько человѣкъ живописцевъ, которымъ принужденъ былъ заплатить почти половину условленной суммы, другую же половину употребилъ большею частью на разныя къ сему дѣлу пособія, какъ-то: холстину, грунтовку, краски и болѣе всего на особеннаго рода станки, которые я долженъ былъ придумать для удобнѣйшаго производства столь большого размѣра картинъ. Въ прежнія времена за подобныя работы платилось по 80.000 р. (?) О подобной цѣнѣ я и помышлять не смѣю, но дерзаю всеподданнѣйше просить хотя о малой прибавкѣ къ условленной мною суммѣ».

18-го іюня А. Н. Оленинъ просилъ Министра Императорскаго Двора, князя Голицына «о милостивомъ вниманіи къ отличному художнику (Шебуеву) какъ поведеніемъ, такъ и талантами своими, тѣмъ болѣе, что таланты сіи онъ нынѣ посвящаетъ особенно на пользу Императорской Академіи Художествъ. Въ скоромъ времени я буду имѣть честь,—писалъ Оленинъ,—представить вашему сіятельству превосходные его опыты по части анатомической для художниковъ. Званіе живописца его императорскаго величества подобно тому, какъ сіе водится при многихъ европейскихъ дворахъ, съ небольшимъ жалованіемъ, и выдача нынѣ не болѣе 5000 рублей единовременно составили бы верхъ его счастія».

23-го іюня государь жалуетъ Шебуеву 5000 руб. изъ кабинета, въ подарокъ за плафонъ, а черезъ пять дней приказываетъ профессора Шебуева опредѣлить къ Эрмитажу и дать ему званіе живописца его императорскаго величества, съ жалованьемъ по 3500 руб. въ годъ, т.-е. на 500 руб. больше того, что получали состоящіе при томъ же Эрмитажѣ художники Кюгельхенъ, Игнаціусъ и Боссъ.

Плафонъ Шебуева — замѣчательное произведеніе, отличающееся богатствомъ фантазіи, высокорелигіознымъ характеромъ, изумительнымъ рисункомъ и блестящей живою живописью, чуждой крайностей.

Императоръ Александръ I остался въ восторгѣ отъ этого произведенія.

Вотъ что, между прочимъ, говорилъ Шебуеву князь Александръ Николаевичъ Голицынъ въ день освященія Царскосельской придворной

церкви: «Василій Кузьмичъ! государь еще разъ—послѣ службы—посѣтилъ церковь и долго восхищался вашимъ плафономъ. Императоръ такъ много доволенъ вашимъ произведеніемъ, что приказалъ вамъ просить у него все, что вамъ угодно».

Императоръ Александръ Павловичъ любилъ Царское Село и нерѣдко жилъ въ немъ.

Здѣсь онъ, между прочимъ, 16 августа 1823 года подписалъ манифестъ объ отреченіи великаго князя Константина Павловича отъ правъ престолонаслѣдія и о назначеніи наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича.

Послѣ выхода въ день Богоявленія, 6-го января, 1824 года и сопровождавшаго его парада войкъ гвардіи, государь, по обыкновенію, отправился въ Царское Село; 12-го, прогуливаясь въ саду, онъ почувствовалъ сильные приступы лихорадки съ жестокою головною болью, вскорѣ затѣмъ появилась тошнота и рвота, Александръ Павловичъ въ тотъ же день уѣхалъ въ Петербургъ.

Весною того же 1824 года императоръ переѣхалъ въ Царское Село, гдѣ, по разсказу Тарасова, соблюдался слѣдующій порядокъ: Государь «въ седьмомъ часу утра кушалъ чай, всегда зеленый съ густыми сливками и съ поджаренными гренками изъ бѣлаго хлѣба; потомъ, сдѣлавъ свой начальный туалетъ, требовалъ меня для осмотра и перевязки ноги; послѣ того, одѣвшись окончательно, выходилъ въ садъ чрезъ собственный выходъ въ свою аллею, изъ коей постоянно направлялся къ плотинѣ большого озера, гдѣ обыкновенно ожидали его главный садовникъ Ляминъ и все птичье общество (лебеди, гуси и утки), обитавшее на птичьемъ дворѣ, близъ этой плотины. Къ приходу его величества птичники обыкновенно приготовляли въ корзинахъ разный для птицъ кормъ. Почуявъ издали приближеніе государя, всѣ птицы привѣтствовали его на разныхъ своихъ голосахъ. Подойдя къ корзинамъ, его величество надѣвалъ особенно приготовленную для него перчатку и начиналъ имъ самъ раздавать кормъ. Послѣ сего давалъ садовнику Лямину разныя свои повелѣнія, относящіяся до сада и парка, и отправлялся на дальнѣйшую прогулку. Въ 10 часовъ возвращался съ прогулки и иногда кушалъ фрукты, особенно землянику, которую онъ предпочиталъ всѣмъ прочимъ фруктамъ. Къ этому времени г. Ляминъ обыкновенно приносилъ большія корзины съ разными фруктами изъ обширныхъ царскосельскихъ оранжерей. Фрукты эти, по собственному его величества назначенію, разсылались разнымъ придворнымъ особамъ и семействамъ генералъ-адъютантовъ, кои занимали домики китайской деревни. Послѣ того государь, переодѣвшись, принималъ разныхъ министровъ, по назначенію пріѣзжавшихъ съ докладами изъ Петербурга,

и начальника главнаго своего штаба. Окончивъ свои занятія, въ третьемъ часу отправлялся въ Павловское къ вдовствующей императрицѣ, августѣйшей своей матери, цѣловать ея руки и, возвратясь оттуда, въ четыре часа обѣдалъ. Въ девятомъ часу вечера кушалъ чай, послѣ коего занимался работою въ своемъ маленькомъ кабинетѣ; въ одиннадцать часовъ кушалъ иногда простоквашу, иногда черносливъ, приготовляемый для него безъ наружной кожицы. Часто случалось, что его величество, откушавши самъ, приказывалъ камердинеру своему простоквашу или черносливъ отсылать на ужинъ мнѣ. Передъ тѣмъ, какъ ложиться въ постель государю, я обязанъ былъ войти, по требованію его, въ опочивальню и перевязать ему ногу; послѣ чего его величество, перекрестясь, ложился въ постель и тотчасъ засыпалъ, всегда на лѣвомъ боку. Государь засыпалъ всегда тотчасъ и самымъ крѣпкимъ сномъ, такъ что шумъ и крикъ дежурнаго комердинера и лакеевъ, прибиравшихъ обыкновенно въ опочивальнѣ его платье, бѣлье и разныя вещи, нимало не препятствовали сну его».

Послѣ кончины императора Александра I, 28 февраля (12 марта), печальная процессія съ его тѣломъ приблизилась къ Царскому Селу. Императоръ Николай Павловичъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ выѣхали навстрѣчу шествію. Государя сопровождали изъ пріѣхавшихъ иностранныхъ гостей принцъ прусскій Вильгельмъ и принцъ Оранскій. Здѣсь же находились и царскосельскіе обыватели и духовенство. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ, и была грязь. Выйдя изъ коляски, государь, приблизясь къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, поднявшись на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы то же сдѣлалъ и великій князь. Николай и Михаилъ Павловичи были въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ, они пошли пѣшкомъ за колесницей до придворной церкви, куда былъ затѣмъ внесенъ гробъ и поставленъ на катафалкъ.

На слѣдующій день «1-го (13) марта отъ князя Голицына я получилъ,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ лейбъ-медикъ Тарасовъ,—приказаніе поспѣшнѣе явиться къ нему. Онъ съ озабоченнымъ видомъ спросилъ меня: «Можно ли открыть гробъ и можетъ ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?» Я отвѣтилъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобы въ 12 час. ночи я при немъ и графъ Орловъ-Денисовъ со всею аккуратностью открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ цар-

ствующей государыни, которая была тогда беременна, родственно проститься съ покойнымъ. Въ 11½ час. вечера священники и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ внѣ оной поставлены были часовые; остались въ ней кн. Голицынъ, гр. Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба, я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ спецій, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько перемѣнили цвѣтъ), возложилъ на голову корону и обтеръ лицо, такъ что тѣло представлялось совершенно цѣлымъ, и не было ни малѣйшаго признака порчи. Послѣ этого кн. Голицынъ, сказавъ, чтобы мы оставались въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору. Спустя нѣсколько минутъ, вся императорская фамилія съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошла въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго. Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную. По выходѣ императорской фамиліи, я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ попрежнему. Дежурные всѣ и караулъ снова были введены въ церковь ко гробу, и началось чтеніе Евангелія».

Прусскій генералъ Герлахъ, сопровождавшій сына короля въ Россію, пишетъ въ своемъ дневникѣ, что при вскрытіи въ Царскомъ Селѣ гроба императора Александра присутствовалъ также принцъ Вильгельмъ. По его разсказу, императрица Марія Ѳеодоровна нѣсколько разъ цѣловала руку усопшаго и говорила «Qui c'est mon cher fils, mon cher Alexandre, ah! comme il a mougri». Трижды возвращалась она къ гробу и подходила къ тѣлу. Принцъ Вильгельмъ, по свидѣтельству Герлаха, былъ также глубоко потрясенъ видомъ усопшаго государя.

5-го марта тѣло императора Александра Павловича перевезли въ Чесму и поставили въ церкви дворца, а 6-го шествіе двинулось въ Петербургъ.

Послѣ вышеупомянутаго пожара въ царскосельскомъ большомъ дворцѣ, въ теченіе XIX столѣтія было произведено нѣсколько починокъ и реставрацій; изъ нихъ самыя значительныя и наименѣе удачныя: передѣлка парадной лѣстницы и ліонской гостиной по проекту Моничетти, а также безобразная реставрація плафоновъ въ большой залѣ и нѣкоторыхъ другихъ комнатахъ.

Мы видѣли, какъ постепенно измѣнялись наружный видъ и внутреннее убранство большого царскосельскаго дворца.

Отъ первоначальной постройки Бронштейна не осталось и слѣда.

Сохранился лишь Растрелліевскій дворецъ съ пристройками Камерона.

Отъ времени императрицы Елизаветы Петровны уцѣлѣли: парадные апартаменты (за исключеніемъ лѣстницъ императора Александра II-го), циркумференція и церковь, отъ Екатерининскаго царствованія—парадныя же комнаты, холодная баня и агатовыя комнаты въ верхнемъ этажѣ и Камеронова галлерея. Изъ художественныхъ работъ до насъ дошли во дворцѣ произведенія знаменитыхъ художниковъ Елизаветинскаго, Екатерининскаго и Александровскаго временъ.

Павильонъ Эрмитажъ.

Постройка Царскосельскаго Эрмитажа начата была въ 1745 году. Въ 1747 году императрица Елизавета Петровна приказала вокругъ «Эрмитажа» сдѣлать каналы съ подъемными мостами, по указанію архитектора Чевакинскаго. Въ самомъ Эрмитажѣ государыня приказала наличники, двери и панели украсить рѣзьбою и вызолотить или высеребрить, «какъ пристойнѣе», сообразуясь съ цвѣтомъ обоевъ; въ залѣ написать плафоны, а въ корпусѣ, гдѣ подъемные стулья, сдѣлать скамейки и обить ихъ зеленымъ бархатомъ съ позументомъ; — для подъема столовъ и «прочихъ принадлежностей» опредѣлить особыхъ 12 человѣкъ, которые, будучи обучены этому, должны быть всегда «въ томъ дѣлѣ» исправными. — Постройку Эрмитажа императрица повелѣла окончить въ возможно скорѣйшемъ времени, обить его лаковыми обоями.—Въ корпусы Эрмитажа шпалеры были написаны съ серебромъ. Обратила вниманіе Елизавета Петровна на свѣтлые переходы и пожелала, «что, хотя отъ эрмитажной залы къ четыремъ вокругъ стоящимъ корпусамъ свѣтлые переходы сдѣланы, а надлежало бы вмѣсто деревянныхъ построить каменные».—21 іюля 1748 года императрица приказала оберъ-архитектору графу де-Растрелли представить ей модель украшенія строившагося Эрмитажа. — Дѣлалъ ее мастеръ Нильсенъ.

Въ 1752 году «живописецъ, театральный архитекторъ и Императорской Академіи Наукъ профессоръ перспективы» Іосифъ Валеріани пишетъ плафонъ въ Эрмитажѣ.

Здѣсь же пишетъ живописный мастеръ Антоній Перезинотъ съ своими живописцами. Живописный подмастерье Иванъ Бѣльскій золотилъ плафоны.

«Десюдепорты» пишетъ Валеріани. Послѣдній 28 мая 1752 года получилъ слѣдующее предписаніе: «Господинъ живописный мастеръ Валері-

анъ! При Царскомъ Селѣ въ Армитажѣ надлежитъ вамъ написать восемь картинъ самою чистою живописною работою въ восемь сдѣланныхъ десюдепортовъ, а какія изображенія должны быть на этихъ картинахъ, о томъ вамъ (должно) согласиться съ оберъ-архитекторомъ Растрелліемъ».—Въ то же время идетъ отдѣлка рѣзьбы въ комнатахъ и на куполѣ Эрмитажа.

Въ 1757 году была составлена слѣдующая опись Царскосельскаго Эрмитажа. «Въ Эрмитажѣ, въ верхнемъ этажѣ, въ средней залѣ — полъ штучный, цвѣтной, изъ разноцвѣтныхъ деревъ; въ потолкѣ и по поддугамъ плафонъ живописный и около него рѣзной карнизъ позолоченный. Столовъ подъемныхъ пять. Трубъ, въ коихъ подымаются тарелки, обитыхъ кровельнымъ черным жел ѣзомъ,— 35. Въ столахъ тарелокъ, ходячихъ по шкивамъ, серебряныхъ съ аспидными досками—35. При тарелкахъ и машинахъ колокольчиковъ мѣдныхъ — 46, навѣшенныхъ на проволокѣ и веревочкахъ. Въ залѣ свѣтлыхъ створчатыхъ съ панелями фромужныхъ дверей—12, съ золоченымъ переплетомъ, въ каждой по 13 бемскихъ стекла. Панели и рѣзьба вездѣ позолочены. Въ простѣнкахъ зеркалъ большихъ составныхъ, въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ 8; надъ ними живописныхъ десюдепортовъ въ таковыхъ же рамахъ—8. Подлѣ зеркалъ жирандолей, подобныхъ дворцовымъ, — 16, каждая о 5 ручкахъ, коихъ всѣхъ — 80. Подлѣ зала двѣ подъемныя машины, на коихъ стоятъ канапе, зеленымъ сукномъ обитое, и полъ. Въ машинныхъ покояхъ стѣнной столярный уборъ; въ потолкахъ живописные плафоны и подъ ними рѣзной золоченый карнизъ. Отъ залы къ корпусамъ четыре галлерейки, въ коихъ полы штучные, плафоны живописные съ золочеными карнизами, по стѣнамъ такой же столярный золоченый уборъ. «Подлѣ галлереекъ четыре корпуса со штучными полами, живописными плафонами, золочеными карнизами и рѣзьбою. Въ каждомъ корпусѣ зеркалъ составныхъ по 8, жирандолей о 3 ручкахъ по 16. Во всѣхъ четырехъ корпусахъ жирандолей 64, чашекъ двутрубочныхъ 192, оконъ по 3, съ дубовымъ створчатымъ золоченымъ переплетомъ, каждый въ 8 бемскихъ стеколъ. Въ каждомъ корпусѣ по одной створчатой свѣтлой двери съ позолоченною съ обѣихъ сторонъ рѣзьбою. Надъ дверьми съ обѣихъ же сторонъ живописные десюдепорты въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ. Въ нижнемъ эрмитажномъ этажѣ полы простые дощатые, потолки и стѣны штукатурные; дверей свѣтлыхъ, створчатыхъ, фромужныхъ съ панелями 22, съ простыми стеклами; оконъ въ корпусахъ и сѣняхъ 24. Въ этомъ этажѣ расположены подъемныя машины для столовъ, рамъ и тарелокъ со всѣми принадлежностями, канатами, веревочками и колокольчиками». — Въ концѣ XVIII вѣка архитекторъ Неѣловъ описываетъ Эрмитажъ очень кратко: «Эрмитажъ посрединѣ рощи, между поперечнымъ каналомъ и нижними

прудами, длиною и шириною крестообразно по 16 саженъ. — При немъ отдѣленная кухня подлѣ продольнаго канала, длиною 14, шириною $5^{1}/_{2}$ саженъ, съ каменнымъ на Садовую улицу мостомъ».—Георги о Царскосельскомъ Эрмитажѣ замѣчаетъ: «Пустынька и эрмитажная столовая построена императрицею Елизаветою Петровной въ лѣсу въ видѣ круглаго греческаго храма. Столъ расположенъ на 18 кувертовъ и совершенно подобенъ столу въ Эрмитажѣ, въ С.-Петербургѣ находящемуся».

Императрицы Елизавета Петровна и Екатерина II неоднократно имѣли въ Эрмитажѣ «столовое кушаніе».—12 іюля 1755 года «Турецкій посланникъ,—читаемъ мы въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ,—Тефтердаръ Дервишъ Магмедъ Эфендій со всею своею свитою изъ Петербурга пріѣхалъ въ Село Царское и ночевалъ въ тѣхъ покояхъ, кои во флигельцахъ деференцій, и вечернее про него кушанье готовили турки; а на другой день для смотрѣнія показаны ему тамошніе покои и всѣ увеселительныя мѣста. И въ Эрмитажѣ его превосходительство господинъ гофмаршалъ и кавалеръ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ трактовалъ обѣденнымъ кушаньемъ, за большимъ столомъ, придворные кавалеры и посланничій приставъ; а чиновныя свиты его трактованы тамже за однимъ малымъ столомъ. Послѣ стола подчиваны кофеемъ и шербетами. Потомъ онъ былъ въ своей квартирѣ и оттолѣ отправился прямо въ свое отечество». 30 іюля «англійскіе милорды, по высочайшему ея императорскаго величества повелѣнію, были въ Селѣ Царскомъ и смотрѣли покои звѣринцевъ и въ Эрмитажѣ трактованы обѣденнымъ столомъ». 22 августа того же года въ Эрмитажѣ обѣдаютъ англійскій посолъ съ графомъ Понятовскимъ, графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ и князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, оба съ супругами. 31 іюля 1756 года въ Эрмитажѣ имѣетъ обѣденное кушанье императрица Елизавета Петровна «со всѣми кавалерами и дамами». 1 августа здѣсь же обѣдаютъ духовныя персоны—Петербургскій архіерей и другіе, служившіе въ этотъ день въ царскосельской придворной церкви. 28 іюля 1759 года, въ среду, «для праздника Смоленскія Пресвятыя Богородицы литургію ея императорское величество соизволила слушать въ большой придворной церкви. А послѣ литургіи изволила слѣдовать въ большой Эрмитажъ, что въ верхнемъ саду, и кушать обѣденное кушанье; въ продолженіе стола при питіи за высочайшія здоровья происходила пушечная пальба, откуда обратно возвратиться изволила въ свои апартаменты по полудни въ пятомъ часу».—На слѣдующій день императрица обѣдала «въ маломъ Эрмитажѣ, что внутри комнатъ. Во время онаго стола, при питіи за высочайшія здоровья, происходила пушечная пальба. А по полудни въ 10 часу ея императорское величество соизволила слѣдовать на линейкахъ въ большой Эрмитажъ, что

въ верхнемъ саду, и кушать вечернее кушанье, и по окончанiи онаго стола по полуночи въ первомъ часу обратно изволила возвратиться на линейкѣ въ свои комнаты». 16 августа Елизавета Петровна обѣдала въ царскосельскомъ «маломъ Эрмитажѣ, въ 16 персонахъ, и при питiи за высочайшее здоровье происходила пушечная пальба — 51 выстрѣлъ». 17 iюля 1760 года, въ понедѣльникъ, государыня обѣдала «въ саду, въ большомъ Эрмитажѣ, съ дамами и придворными кавалерами, за четырьмя столами; на первомъ большомъ положено было семнадцать кувертовъ, а на второмъ и третьемъ малыхъ столахъ по пяти кувертовъ на каждомъ, а на четвертомъ маломъ четыре куверта, всего тридцать одинъ кувертъ. Во время стола играли на галлереѣ на валторнахъ. Столы были перемѣняемы три раза, которые окончились по-полудни въ 8 часовъ. А послѣ обѣденнаго кушанья ея императорское величество соизволила съ нѣкоторыми дамами прогуливаться на линеяхъ».—6 сентября 1761 года Елизавета Петровна въ послѣднiй разъ въ своей жизни въ Царскомъ Селѣ обѣдала «въ саду, въ большомъ Эрмитажѣ, съ духовными персонами, съ дамами и кавалерами, въ 34 персонахъ. Столъ состоялъ въ трехъ перемѣнахъ, въ продолженiе котораго въ саду играли на валторнахъ».

3-го мая 1766 года императрица Екатерина II «изволила шествовать въ Эрмитажъ и тамъ съ дамами, кавалерами и фрейлинами кушать обѣденное кушанье въ 25-ти персонахъ; въ продолженiе стола играно на трубахъ съ битьемъ въ литавры и на валторнахъ. По окончанiи стола ея императорское величество изволила проходить на сдѣланныя горы».—19-го мая 1772 года въ 12-мъ часу дня Екатерина вышла «въ картинную залу, потомъ проходила въ галлерею, куда и его императорское высочество изъ апартаментовъ своихъ прибыть изволилъ, гдѣ, пробывъ нѣсколько времени, имѣла шествiе съ дамами, фрейлинами и кавалерами въ Эрмитажъ и тамъ за прiуготовленнымъ столомъ кушала обѣденное кушанье».—Обѣдаетъ здѣсь императрица 5-го iюня: столъ былъ «на 28 кувертахъ; въ продолженiе стола играно на кларнетахъ съ валторнами».

Въ XIX столѣтiи въ Царскосельскомъ Эрмитажѣ состоялся въ 1817 году обѣдъ въ высочайшемъ присутствiи, по случаю бракосочетанiя великаго князя (впослѣдствiи императора) Николая Павловича съ вел. кн. Александрой Өеодоровной.

Посрединѣ Эрмитажа устроенъ колодезь съ прекрасной ключевой водою, которая здѣсь всегда находится на одномъ уровнѣ, благодаря особому механизму.

Въ Эрмитажѣ устроено пять подъемныхъ столовъ и тридцать пять трубъ, по которымъ поднимаются тарелки.

«Монбежъ».

«Каменный домъ» или «Монбежъ» (mon bijou) въ царскосельскомъ звѣринцѣ построенъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ оберъ-архитекторомъ графомъ Растрелли. — Въ 1747 году 7-го апрѣля государыня приказала «въ звѣринцѣ въ залѣ (Монбежъ) и верхнихъ павильонахъ на шпалерахъ и въ плафонахъ писать всякаго званія и всякихъ родовъ птицъ и звѣрей брату живописца Грота, и для того ему даны (были) отъ архитектора вѣрныя мѣры; а наличники, коробки и прочую столярную работу убрать золоченою рѣзьбою».—20-го апрѣля 1749 года Растрелли писалъ изъ Москвы въ контору строеній Села Царскаго: «Ея императорское величество соизволила апробовать мой чертежъ строенія, которое имѣется при звѣринцѣ и называется Монбижу, - какъ быть его украшенію, такъ и рисунокъ лѣстницы для входа въ верхній залъ, какъ показано на планѣ. Что же касается до крашенія, то, въ бытность мою въ Царскомъ Селѣ, буду со временемъ предлагать. А около той лѣстницы вмѣсто балясъ по обѣ стороны сдѣлать рѣшетки желѣзныя и вызолотить, какъ на фасадѣ показано». — Въ 1754 году «въ Монбежѣ или новопостроенномъ во звѣринцѣ каменномъ домѣ» устраиваются балконы надъ малыми крыльцами, подъ наблюденіемъ «архитектуріи гезеля» Андрея Мыльникова и дѣлаются «сосновые кронштейны и въ окна потолоки».—Въ 1756 году «живописный ученикъ» Алексѣей Шерсневъ пишетъ «въ звѣринецъ въ каменный домъ отъ охоты восемь десюдепортныхъ картинъ. Тогда же рѣзного дѣла мастеръ Дункеръ (Johann-Franz Duncker), по чертежу оберъ-архитектора графа Растрелли, дѣлаетъ для Монбежа «штукатурныя, отливныя изъ алебастра штуки, именно—«кубы орнаментные съ раковинами съ деревьями, машкарами и дичью».

Гротомъ написаны были для Монбежа слѣдующія картины, какъ онѣ описываются въ архивныхъ документахъ: 1) Бѣлый заяцъ, на рогожѣ лежащій вмѣстѣ съ рябчиками и тетеревами, также фузея съ охотничьей сумкой.—2) Урочище поля и два глухіе тетерева, голуби и другія мелкія птицы, на столѣ лежащія.—3) Вечерняя заря съ большимъ дубомъ, подлѣ него застрѣленныя двѣ утки и другія птицы съ собакою, которая ихъ стережетъ.—4) Въ урочищѣ двѣ лисицы, изъ коихъ одна теребитъ курицу, а другая лежитъ вблизи.—5) При вечерней зарѣ лежатъ убитые тетеревы, дикіе голуби и утки; на деревѣ висятъ дикій гусь и фузея съ охотничьей сумкой.—6) Ровное поле съ большимъ орломъ, который теребитъ тетерева.—7) Въ темномъ дремучемъ лѣсу кабанъ, гонимый тремя собаками, изъ коихъ у одной брюхо клыками распорото.—8) Темный

дремучій лѣсъ съ дубовыми и другими деревьями, болотнымъ мѣстомъ и тростникомъ, въ коемъ лисица гоняется за дикимъ гусемъ и его схватываетъ.—9) Сводъ каменный со столомъ и тремя старыми досками, на коихъ лежатъ кулики и цапля съ соколомъ, у коего на головѣ шишка.—10) Открытый воздухъ, въ коемъ соколъ убиваетъ цаплю.—11) Прудъ съ тростникомъ и осокою, гдѣ плаваютъ разныя утки; позади кустарника охотничья собака, въ нихъ всматривающаяся; утки, услышавъ духъ ея, одна утятъ своихъ защищаетъ, другія же отчасти въ воду ныряютъ, отчасти улетаютъ.—12) Двѣ драхвы на птичьемъ дворѣ, изъ коихъ одна пьетъ изъ корыта.—13) Такой же птичій дворъ съ чернымъ и бѣлымъ аистами и съ персидскою синею куропаткою.—14) Каменный сводъ со старымъ столомъ, на которомъ лежатъ: бѣлый заяцъ, дикія утки, куропатки, рябчикъ и разныя мелкія птицы съ охотничьей сумкой и фузеей.—15) Рѣка съ птицею-бабой, проглатывающей большую щуку, которой часть къ хвосту еще видна.—16) Густой лѣсъ съ рябчиками и бѣлою охотничьей собакой, которая стрѣлку знакъ даетъ правою лапой.—17) Часть поля съ рощею, лѣсомъ и бѣлою лисицей, поймавшей пѣтуха,—представлено, какъ онъ издыхаетъ.—18) Поле съ большимъ орломъ, схватившимъ зайца, издыхающаго въ его когтяхъ.—19) Часть поля съ рощею, гдѣ волкъ терзаетъ овцу. — 20) Урочище (часть поля) съ павлиномъ, распустившимъ хвостъ свой, а пава клюетъ изъ корыта.—21) Лебедь, при водѣ стоящій и обороняющійся отъ собаки.—22) Урочище съ болотомъ и тростникомъ, гдѣ большой лебедь отъ двухъ собакъ защищается.—23) Дикое поле и густой лѣсъ съ разными сухими старыми деревьями и кустарникомъ, съ двумя рысями, изъ коихъ одна нападаетъ на звѣря, а другая, сидя на старомъ дубу, внизъ смотритъ.—24) Каменная стѣна при луговомъ полѣ, гдѣ барсъ терзаетъ овцу.—25) Отворенное окно, сквозь которое видны на рогожкѣ сѣрый котъ, держащій во рту снѣгиря; тутъ же голубь и другая птичка, на коихъ собака быстро смотритъ.—26) Бѣлый, съ большими рогами, убитый олень, изо рта коего течетъ кровь.—27) Сухой дубъ, на коемъ левъ лапами раздираетъ медвѣдя, и изъ него течетъ кровь.—28) Высокій холмъ съ бѣлымъ медвѣдемъ, на коего нападаютъ двѣ собаки.—29) Большіе дубы и болото съ осокою и сухими плахами, наподобіе моста; на дубу глухой тетеревъ, а внизу пестрая тетерька.—30) Дубы съ холмомъ, болотнымъ мѣстомъ и осокою, гдѣ рысь достаетъ изъ западни лапой что-то такое.—31) Два дерева и небольшой холмъ съ частымъ лѣсомъ, гдѣ на одномъ деревѣ сидитъ бѣлая сова, и изъ дупла большого дерева смотритъ на нее быстро птичка, а надъ нею дроздъ.—32) Большой дубъ и болото съ осокой, гдѣ сѣрый мараллъ съ большими рогами, на котораго нападаютъ пять собакъ.—33) Окно съ разбитымъ

стекломъ, сквозь которое видно на столѣ, какъ пестрая кошка теребитъ голубя, а собака злится.—34) Два дерева, небольшой холмъ съ болотомъ и лѣсомъ и изъ сухихъ кряжей мостъ, на коемъ ястребъ теребитъ голубя.—35) Гора съ лѣсомъ, гдѣ лежитъ убитый черный кабанъ и при немъ копье и рогъ охотничій.—36) Большіе дубы и холмъ съ небольшимъ лѣсомъ, въ коемъ двѣ пестрыя тетерьки и сизый тетеревъ.— 37) Воздухъ и два сухія дерева съ лѣсомъ, гдѣ бѣлая собака заѣдаетъ зайца.—38) Два большія дерева и болото съ осокой, гдѣ два бобра: одинъ грызетъ кору, а другой злится на осоку, будто бы въ ней что видитъ.—39) За строеніемъ воздухъ и лѣсъ съ двумя пестрыми птицами, у коихъ носы красные, а на шеяхъ ожерелья перяныя сизыя; одна стоитъ надъ кадкою, другая на землѣ. -40) При стороеніи два журавля, одинъ сѣрый, другой сизый съ красною головою, межъ ними кадка съ водой.—41) Сухой лѣсъ, холмъ, болото и изъ сухихъ кряжей мостъ, на коемъ черный волкъ теребитъ дикаго гуся.—42) Лѣсъ и болото съ осокою, гдѣ пестрый большой котъ теребитъ китайскую утку.—44) Большія деревья съ мелкимъ лѣсомъ и болотомъ съ осокою, гдѣ бѣлая цапля глотаетъ лягушку, а другая смотритъ на сидящую на деревѣ бѣлку.—Гротъ же расписалъ и куполъ Монбежа, гдѣ имъ изображено было: a) Въ среднемъ плафонѣ воздухъ съ большимъ орломъ, схватывающимъ тетерева, а прочіе тетеревы улетаютъ.—b) Большой соколъ, убивающій цаплю.—c) Травля птицъ соколомъ.—d) Соколъ, схватывающій голубя.—e) Большой журавль.—h) Большая сова, держащая въ когтяхъ бѣлаго сыча.—g) Павлинъ съ разными птицами.—j) Большой голубой журавль.—i) Тетеревъ съ другими разными птицами.

Въ 1757 году архитекторъ Неѣловъ такъ описываетъ Монбежъ: «Въ каменномъ домѣ, что въ звѣринцѣ, называемомъ Монбежъ, въ верхнемъ этажѣ полъ штучный, цвѣтной, потолокъ на восемь граней. Между граней и по всему куполу убрано лѣпною работою, на подобіе рѣзьбы, штукатурными рамами рѣзными золотыми фигурами, также расписано и живописью по приличнымъ мѣстамъ. Въ граняхъ, надъ слуховыми верхними окнами, также и въ srединѣ купола изображены заморскія птицы и проч.—Оныхъ круглыхъ восемь оконъ, каждое о 20 гамбургскихъ стеклахъ и съ разными золочеными наличниками, сверху и снизу клейма и другія золоченыя украшенія и фигуры. Карнизъ и рама вокругъ купола рѣзные, золоченые. Между окнами въ простѣнкахъ и надъ дверьми 56 живописныхъ картинъ, въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ.—Въ низу Монбежа, въ среднемъ покоѣ полъ штучный, потолокъ съ карнизомъ и стѣны штукатурные: въ срединѣ покоя убрано 16-тью колоннами, со столярной работой, подъ бѣлой краской; карнизы и капители столярные же, подъ крас-

кою. Въ боковыхъ четырехъ корпусахъ восемь покоевъ. Двери и окна окрашены въ шафранный цвѣтъ. Надъ внутренними восмью дверями по одной десюдепортной картинѣ, въ золоченыхъ рамахъ: безъ рамъ узкихъ, подлѣ среднихъ дверей, восемь, да четыре надъ дверями, кои въ средній покой. Столярная вся работа ольховая подъ лакомъ. Около дома четыре крыльца съ желѣзными рѣшетками, между которыми, на подножіяхъ, поставлены алебастровыя вазы съ украшеніемъ, ступени и площадки дубовыя».

Около 1771 года ремонтируется Монбежъ и при немъ кухня и скатертная.

18-го іюля 1800 года императоръ Павелъ Петровичъ повелѣлъ: «Состоящій въ Селѣ Царскомъ звѣринецъ, по проспектамъ его дороги и въ немъ каменный монбежъ и прочія строенія отдѣлать и привести въ совершенную исправность подъ присмотромъ архитектора Неѣлова, а проспекты и дороги подъ распоряженіемъ садоваго мастера Буша; воротамъ же изъ новаго саду въ звѣринецъ, вмѣсто нынѣ находящихся, сдѣлать новый планъ архитектору Камерону».

«Храмъ дружбы» или «Концертный залъ».

Построеніе «Храма дружбы» или Концертнаго зала въ Царскомъ Селѣ относится къ 1782 году. Строителемъ былъ архитекторъ Гваренги.— Отъ 20-го января упомянутаго года мы имѣемъ слѣдующій указъ императрицы Екатерины II Кабинету: «Повелѣваемъ изъ Кабинета Нашего отпустить въ нынѣшнемъ 1782 году города Софіи къ городничему маіору Токареву 20.000 рублей на производство каменныхъ строеній въ томъ городѣ, да въ Контору строенія Села Царскаго, на построеніе храма въ саду по плану архитектора Гваренги и на китайскую деревню, отъ Насъ назначенную, 30,000 рублей».

Мѣсто для «храма» было отведено «въ англійскомъ саду, на островкѣ, позади обелиска, поставленнаго въ честь графа Румянцева-Задунайскаго противъ перваго отъ дворца каприза». Храмъ былъ построенъ изъ кирпича, на каменномъ фундаментѣ крестьянами Андреемъ и Тихономъ Ивановыми Пелевиными. Полъ въ храмѣ былъ сдѣланъ изъ цвѣтного мрамора. Въ октябрѣ 1782 года уже вставлены окна, а къ 15 іюня 1783 года постройка совершенно окончена, за исключеніемъ внутренней отдѣлки.

Входъ въ храмъ былъ устроенъ портикомъ, овальный сводъ расписанъ живописью, съ изображеніемъ на поддугахъ созвѣздій зодіака, надъ дверями

помѣщены «десюдепортныя картины». Стѣны и пилястры зданія покрыты разноцвѣтнымъ фальшивымъ мраморомъ.

Въ концѣ XVIII вѣка архитекторъ Неѣловъ, описывая царскосельскія дворцовыя зданія, о храмѣ кратко замѣчаетъ: «Концертная зала длиною десять, шириною семь саженъ, и при ней маленькая руина».

При императрицѣ Екатеринѣ II въ «храмѣ», или Концертномъ залѣ поставлены были слѣдующіе бюсты изъ бѣлаго мрамора: 1) Антиной; 2) Аяксъ въ шишакѣ; 3) Минерва въ шишакѣ; 4) Антикъ въ видѣ Меркурія; 5) Веспасіанъ Титъ; 6) Дометіанъ; 7) Аполлонъ; 8) Юлія; №№ 9—28—неизвѣстныхъ лицъ. Здѣсь же находились двѣ столовыя доски изъ чернаго мрамора вѣсомъ въ 20 пуд. 30 фунт. и «пьедесталъ въ пяти штукахъ».

На руинной кухнѣ, «принадлежащей къ Концертной залѣ, въ нишахъ», находились статуи—Геркулеса и Римскаго консула, бюстъ Екатерины II; барельефы бѣлаго мрамора: Центавръ ведетъ Вакханку, Драка купидоновъ, 2 мужскихъ лица, Наяды или нимфы (этотъ барельефъ изъ сѣраго мрамора, Фригійскій пастухъ убиваетъ быка, Рѣка, Быкъ; двѣ ноги въ обуви изъ желтаго антика на подножіяхъ, одна изъ которыхъ изъ чернаго мрамора, другая изъ бѣлаго; нога большая въ обуви же изъ желтаго африканскаго алебастра, пальцы придѣланы изъ восточнаго алебастра, подножіе изъ бѣлаго алебастра. За исключеніемъ двухъ статуй Геркулеса и Римскаго консула, остальные барельефы были въ XVIII же вѣкѣ отданы въ Императорскую Академію Художествъ, а бюстъ императрицы Екатерины II—въ Академію Наукъ.

Въ концертномъ залѣ императрицѣ Екатеринѣ II приходилось бывать нерѣдко. Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ посѣщеній. Вечеромъ 8-го іюня 1786 года государыня была «съ россійскими и иностранными обоего пола особами» въ нижнемъ саду въ залѣ, именуемомъ «Храмомъ Дружбы», 16-го іюля того же года въ 7 часу вечера императрица, великій князь Павелъ Петровичъ, великая княгиня, принцъ и принцесса Виртембергъ-Штуттгардтскіе, съ фрейлинами и кавалерами «шествовали въ состоящее въ нижнемъ саду каменное концертное зало», гдѣ «былъ концертъ», который «продолжался до 9 часа; въ продолженіи же онаго ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами, ихъ свѣтлостями и знатными особами изволила играть въ лото».—28-го іюля «послѣ полудня» императрица Екатерина II «съ находящимися въ свитѣ особами изволила выходъ имѣть въ садъ, а гулявши въ ономъ благоволила прибыть въ залъ, что именуется «Храмъ Дружбы», и тутъ играть въ лото до восьми часовъ вечера». Заходила на нѣкоторое время Екатерина и 1-го августа «въ Концертной залъ, или который наимено-

ванъ «Храмъ Дружбы».—Съ 7 до 10 часовъ вечера 16-го мая 1788 года государыня проводитъ здѣсь время въ разговорахъ «съ камеръ-фрейлиною, фрейлинами и прочими, составляющими высочайшую ея свиту, знатными персонами. Въ 1789 году императрица была въ Концертномъ залѣ 13-го, 20-го и 21-го мая и 17-го юля. Каждый разъ въ ея присутствіи здѣсь поютъ пѣвчіе и играетъ музыка. 13-го мая «въ седьмомъ часу вечера,—читаемъ мы въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ,—ея императорское величество обще съ ихъ императорскими высочествами изволила шествовать въ садъ и прогуливаться по оному со всѣми состоявшими въ свитѣ особами, при чемъ въ саду играла духовная и роговая музыка. Потомъ ея императорское величество благоволила прибыть къ Концертной въ саду залѣ и у оной имѣть изволила пребываніе на площадкѣ; въ продолженіе сего времени близъ оной залы пѣвчіе пѣли съ хоромъ музыки, послѣ чего ея императорскее величество изъ сада отсутсвовала въ колоннаду, состоящую близъ дворца».

Оперный домъ.

(Императорскій Китайскій театръ въ Царскомъ Селѣ.)

При Елизаветѣ Петровнѣ въ Царскомъ Селѣ театръ былъ устроенъ въ «новой» оранжерейной залѣ. Въ іюлѣ 1750 года императрица приказала театральному архитектору Валеріани и машиннаго дѣла мастеру Жибеллію въ царскосельской новой оранжерейной залѣ устроить театръ для игранія комедій.

При императрицѣ Екатеринѣ II въ Царскомъ Селѣ различаются до постройки «openнаго домо» два театра: одинъ «маленькій комнатный» за галлереей въ первой комнатѣ, другой—«въ оранжереѣ».

Въ 1777 году государыня пожелала заложить въ новомъ царскосельскомъ саду оперный домъ, существующій и въ настоящее время.

9-го сентября упомянутаго года архитекторъ Неѣловъ сообщилъ конторѣ строеній Села Царскаго слѣдующее собственноручное повелѣніе Екатерины: «Китайскій снаружи театръ въ назначенномъ квадратѣ строить противъ звѣринца; буде отыщу планъ, пришлю, а буде нѣтъ, то надлежитъ планъ дѣлать, взявъ за основаніе внутреннее расположеніе Ораніенбаумскаго театра».

Архитекторъ Неѣловъ представилъ государынѣ планъ и фасадъ опернаго дома, которые удостоились высочайшаго одобренія.

Для постройки отведено было мѣсто во второй лѣвой куртинѣ новаго сада.

Оперный домъ вчернѣ былъ остроенъ въ 1778 году; въ октябрѣ того же года приступлено было къ отдѣлкѣ внутри—плотничной и столярной работы.

Зданіе имѣло въ длину 32 сажени и въ ширину 10 саженъ. Внутреннія украшенія опернаго дома были сдѣланы въ китайскомъ вкусѣ.

29-го іюля 1779 года въ оперномъ домѣ Екатерина уже присутствуетъ на представленіи. «Послѣ полудня въ четыре часа,—читаемъ мы въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ,—пріѣздъ имѣли въ Село Царское знатныя какъ россійскія, такъ и иностранныя обоего пола особы и собирались во вновь построенный оперный домъ, въ саду. Въ исходѣ шестого часа въ оперный же домъ шествовать изволила ея императорское величество съ ихъ императорскими высочествами для смотрѣнія вновь сочиненной итальянской оперы «Буфъ». Входъ въ театръ былъ по билетамъ. Послѣ оперы ея императорское величество благоволила быть въ покояхъ его императорскаго высочества государя великаго князя Александра Павловича. Сего числа для смотрѣнія оперы приглашены были и пріѣздъ имѣли въ Царское Село Синода члены и слѣдующія персоны: Гавріилъ, архіепископъ Новгородскій и С.-Петербургскій, Иннокентій, Архіепископъ Псковскій и Рижскій, Епископъ Грузинскій, духовникъ ея императорскаго величества протопресвиторъ Иванъ Ивановичъ Панфиловъ, Преображенскій протоіерей. И для оныхъ духовныхъ особъ въ театрѣ ложа была назначена съ лѣвой стороны, подлѣ средней большой парадной ложи».

На слѣдующій день императрица писала Гримму: «Вчера опять давали «La pulmonia» въ моемъ прелестномъ театрѣ, гдѣ помѣщается до пятисотъ человѣкъ. Я смѣялась до упаду, слушая эту арію, а также другую, начинающуюся словами: «Salve Tu Domine Argatiphontidas salutem Tibi per me». Святѣйшій Синодъ также присутствовалъ на вчерашнемъ представленіи, и всѣ смѣялись до слезъ вмѣстѣ съ нами». Такимъ образомъ, приглашая въ театръ архіереевъ и невольно заставляя ихъ смѣяться до слезъ, императрица Екатерина II сама отмѣчала ихъ присутствіе на веселыхъ представленіяхъ.

19-го августа Екатерина и ихъ императорскія высочества съ фрейлинами и кавалерами слѣдовали въ оперный домъ и смотрѣли представленную вновь сочиненную итальянскую оперу, называемую «Идолъ Китайскій».

19-го іюня 1780 года въ царскосельскомъ оперномъ домѣ былъ императоръ Австрійскій (Римскій) Іосифъ II. «Послѣ полудня въ шесть часовъ ея императорское величество съ ихъ императорскими высоче-

ствами и съ его сіятельствомъ графомъ Фалькенштейномъ шествовать изволили изъ картиной комнаты чрезъ малую круглую лѣстницу садомъ въ оперный домъ, гдѣ представлены была вольнаго театра актерами нѣмецкими комедія, которая въ восемь часовъ кончилась банкетомъ. Во время театральнаго представленія присутствовать изволила ея императорское величество съ его сіятельствомъ графомъ Фалькенштейномъ въ парадной средней ложѣ, въ которую приглашены были господа генералъ-фельдмаршалы, ихъ сіятельства князь Голицынъ и графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, а ихъ высочества присутствовали въ своей ложѣ».

22-го іюня въ 5-мъ часу въ царскосельскій оперный домъ начали съѣзжаться приглашенные «какъ россійскія знатныя обоего пола персоны, такъ и господа чужестранные министры». Въ половинѣ шестого прибыли сюда государыня и ихъ высочества. Шла итальянская опера «Идолъ Китайскій». «Передъ окончаніемъ оной въ театръ же прибытіе имѣлъ его сіятельство графъ Фалькенштейнъ и во-первыхъ проходилъ въ ложу ихъ императорскихъ высочествъ, а потомъ, до окончанія своего театральнаго представленія, пребывалъ въ ложѣ Цесарскаго министра графа Кобенцеля».

27-го іюля въ оперномъ домѣ, въ присутствіи Екатерины, ихъ высочествъ, свиты и чужестранныхъ министровъ, дается французская комедія и балетъ.

Въ 1781 году на церскосельскомъ оперномъ домѣ идутъ: 26-мая—нѣмецкая комедія, 31-го — французская комедія съ балетомъ; въ іюнѣ, 2-го—комическая русская опера «Мельникъ», 7-го и 14-го—французская комедія съ балетомъ, 21-го—итальянская комическая опера (то же 21-го іюля), 26-го іюля — русская комедія подъ названіемъ «Отъ восточной Индіи купецъ», 23-го августа—французская комедія «Метроманія» съ балетомъ, 6-го сентября — французская комедія «Сельскій цырюльникъ» съ балетомъ, 15-го мая 1783 года — французская комедія «Журналистъ» и балетъ съ маскарадомъ, 22-го мая—итальянская комическая опера «Буфъ», безъ балета («при чемъ ея величество до окончанія оперы присутствовать не изволила»), 29-го—новая нѣмецкая комедія съ балетомъ (играли «вольнаго театра актеры»), 5-го іюня—русская комедія; 8-го іюня 1786 года—нѣмецкая комедія «Солдатскій наборъ», 13-го іюля—русская комедія «Обманщикъ» и балетъ.

Въ театрѣ въ этотъ день присутствуютъ государыня, цесаревичъ Павелъ Петровичъ съ супругой, великіе князья и принцъ и принцесса Виртембергъ-Штуттгардтскіе.

20-го іюля, въ высочайшемъ же присутствіи, на царскосельскомъ придворномъ театрѣ была представлена итальянская комическая опера

«Философъ», «точію при оной балета не было». Екатерина, Павелъ Петровичъ и великая княгиня прослушали лишь половину оперы и отправились изъ театра въ Кіоску.

27-го іюля шла россійская опера «Февей» (сочиненіе самой императрицы Екатерины). У подъѣзда въ театръ Екатерину встрѣтилъ гофмаршалъ, а передъ среднею ложею встрѣтили жъ прибывшіе предъ тѣмъ изъ Павловскаго ихъ императорскія высочества — государь цесаревичъ и государыня великая княгиня, при чемъ, учиня взаимное привѣтствіе, ея императорское величество прибыть изволила въ среднюю ложу, а ихъ императорскія высочества слѣдовали въ свою боковую ложу. На сей случай въ театръ приглашены были французскіе морскіе штабъ и оберъ-офицеры, которымъ дано было мѣсто противъ оркестра—вторая и третья лавки.

Опера эта была напечатана, и изданіе это до сихъ поръ хранится въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Министерства Императорскаго Двора.

26-го іюля 1792 года Екатерина была въ оперномъ домѣ съ Павломъ Петровичемъ, Маріей Θеодоровной, Александромъ и Константиномъ Павловичами, съ великими княжнами—Александрой Павловной, Еленой Павловной и Маріей Павловной. «По высочайшемъ прибытіи въ театръ представлены на ономъ придворными французскими актерами въ пяти дѣйствіяхъ комедія, съ малою пьесою, между оными былъ балетъ, въ которомъ точію танцовали пара солистовъ изъ принятыхъ къ придворному театру танцоровъ и танцовщицъ, оставшихся послѣ покойнаго его свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Во время представленія ея императорское величество и ихъ императорскія высочества изволили присутствовать въ партерахъ въ первыхъ лавкахъ.

Въ 1805 году оперный домъ ремонтируется подъ наблюденіемъ архитектора Неѣлова и штукатурнаго дѣла мастера Миклавда.

Въ 1821 году вокругъ опернаго дома сдѣланы желобы, надъ карнизами—подзоръ и сточныя трубы, починена и окрашена крыша, перемѣнены стропила и связи, кирпичный сходъ, досчатый спускъ съ площадкой и пять малыхъ крылецъ, по наружнымъ стѣнамъ штукатурка, оконные переплеты и дверь съ коробками выкрашены.

При императорѣ Николаѣ Павловичѣ въ царскосельскомъ оперномъ домѣ лѣтомъ нерѣдко давались французскіе спектакли.

Въ 1892 году въ царствованіе императора Александра III въ Китайскомъ театрѣ великосвѣтскими любителями въ высочайшемъ присутствіи впервые разыграны «Плоды просвѣщенія» Л. Толстого. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1910 года тамъ сыграна участниками Измайловскаго досуга «Мессинская невѣста», Шиллера, въ переводѣ К. Р.

Александровскій дворецъ.

Въ 1792 году императрица Екатерина II приказала заложить въ новомъ царскосельскомъ саду для великаго князя Александра Павловича дворецъ, постройку котораго поручила архитектору Гваренги.

Въ 1795 году, подъ наблюденіемъ архитектора Гваренги, во дворцѣ Александра Павловича производятся работы живописныя, лѣпныя и фальшиваго мрамора, за исключеніемъ полуциркульной комнаты и большого зала.

Работы по отдѣлкѣ Александровскаго дворца закончились лишь лѣтомъ 1796 года. 22 мая этого года государыня повелѣла: «Въ почивальнѣ прибавить мѣста на четверть для кровати; въ фонарикѣ въ банѣ вынуть изъ купола стекла; входъ для солдатъ караульныхъ въ ихъ комнаты сдѣлать спускомъ безъ ступеней; у обоихъ спусковъ ступенямъ не быть; цвѣтного садика и рѣшетки прибавить и осенью засадить; въ уборной вставить зеркало въ трюмо; на коллонадѣ устроить рѣшетку; для Шуваловой сдѣлать особую лѣстницу въ садикъ; исполнять всѣ приказанія государя великаго князя Александра Павловича и вести всему особый счетъ, дабы послѣ ассигновать на всѣ таковыя работы потребную сумму».

Въ сентябрѣ 1810 года въ Александровскомъ царскосельскомъ дворцѣ производится ремонтъ подъ наблюденіемъ архитектора Руско.

Турецкая бесѣдка, или Кіоскъ.

Деревянный Кіоскъ построенъ въ 1777—1781 годы рѣзнымъ и золотарнымъ мастеромъ Францемъ Брилемъ, подъ руководствомъ архитектора Камерона. Бесѣдка почти вся въ окнахъ; въ ней было поставлено двѣнадцать деревянныхъ колоннъ, обитыхъ пальмовыми жестяными раскрашенными листьями. Три пальмы были сдѣланы Брилемъ къ зеркалу, стоявшему въ Кіоскѣ. Бриль же отдѣлывалъ и мебель въ бесѣдку: такъ, онъ золотилъ сюда шкапы и красилъ англійскими бѣлилами 34 канапе. По описанію архитектора Неѣлова, «Турецкая Кіоска длиною и шириною по семи саженъ».

Турецкій Кіоскъ принадлежалъ къ однимъ изъ любимыхъ императрицей Екатериною II мѣстъ въ царскосельскомъ саду. Вечеромъ 27 іюня 1783 года государыня со свитою и Александромъ и Константиномъ Па-

вловичами отправилась въ садъ и здѣсь, «гуляя въ разныхъ мѣстахъ, напослѣдокъ изволила присутствовать у Кіоска, близъ котораго въ то время ихъ высочества великіе князья благоволили въ пруду купаться, а потомъ одѣты оные въ кіоскѣ». Во время вечерней прогулки 8 іюня 1786 года Екатерина съ гостями «прибыть благоволила къ Кіоску, гдѣ передъ тѣмъ изготовленъ былъ вечерній столъ, за которымъ въ присутствіи ея императорскаго величества угощаемы были господа чужестранные министры съ ихъ фамиліями; тоже обще съ оными кушали находящіяся въ свитѣ придворныя и прочія обоего пола персоны, и въ продолженіи стола играла музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ. При столѣ находились чужестранныя слѣдующія персоны: 1) Великобританскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ господинъ Фицгербертъ, 2) Испанскій министръ господинъ Нормандесъ, 3) Неаполитанскій полномочный министръ господинъ Деболій, 5) Португальскій полномочный министръ баронъ Остенъ-Сакенъ, 7) супруга его, 8) Тосканскій полномочный министръ баронъ Седделеръ, 9) супруга его. Для бывшаго въ Кіоскѣ вечерняго кушанья употреблено было пять круглыхъ разныхъ столовъ, которые поставлены были—одинъ посрединѣ залы, четыре поменѣе перваго—по сторонамъ залы. По окончаніи стола въ девять часовъ вечера ея императорское величество, отсутствовавъ изъ Кіоски, въ препровожденіи россійскихъ особъ и чужестранныхъ министровъ, шествовать изволила садомъ вокругъ пруда, въ которое время въ мраморной галлереѣ играла инструментальная музыка съ хоромъ всей придворной капеллы пѣвчихъ. 12 іюня въ 7 часу вечера Екатерина со свитой и гостями гуляла въ нижнемъ саду, была въ Кіоскѣ и играла въ лото». 6 іюля вечеромъ изъ опернаго дома императрица «въ преслѣдованіи россійскихъ знатныхъ особъ и придворныхъ обоего пола персонъ, такожъ господъ чужестранныхъ министровъ, прибыла въ новое строеніе и тамъ присутствовала нѣсколько времени; а предъ тѣмъ въ Кіоскѣ пріуготовлено холодное кушанье съ десертомъ, и трактованы онымъ кушаньемъ, по прибытіи въ Кіоскъ ея императорскаго величества, помянутыя россійскія обоего пола особы и чужестранные министры, при чемъ въ саду играла духовая и роговая музыка съ хоромъ придворныхъ пѣвчихъ». 18 іюля вечеромъ же Екатерина въ Кіоскѣ играетъ въ лото съ фрейлинами и кавалерами.

10 мая 1789 года государыня съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и великой княгиней Маріей Ѳеодоровной вечеромъ гуляла въ саду «нѣсколько времени со всѣми, составляющими свиту знатными обоего пола особами; въ продолженіе сего времени въ саду играла духовая и роговая музыка; потомъ ея императорское величество, прибывъ къ Кіоску, и въ оной имѣла пребываніе съ часъ времени, при чемъ, по соизволенію ея

императорскаго величества, въ Кіоскѣ пѣли пѣвчіе аріи изъ оперы «Горе-Богатырь» и играла музыка».

30 мая 1792 года въ Кіоскѣ, въ присутствіи Екатерины II, «играла камерная музыка съ разными хорами пѣвчихъ, ...и въ другихъ мѣстахъ играли жъ разныя музыки».

Александръ Успенскій.

Москва.

1912 года, 2 марта.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

БОЛЬШОЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ДВОРЕЦЪ. ФАСАДЪ СО СТОРОНЫ ДВОРА.

3

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦЪ СО СТОРОНЫ СТАРАГО ПАРКА. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

БОЛЬШОЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ДВОРЕЦЪ. САДОВОЕ КРЫЛЬЦО.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

БОЛЬШОЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ДВОРЕЦЪ. СРЕДНІЙ ПОДЪѢЗДЪ.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

БОЛЬШОЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ДВОРЕЦЪ. КАМЕРОНОВА ГАЛЛЕРЕЯ. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦЪ. СПУСКЪ ВЪ САДЪ. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

БОЛЬШОЙ ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ДВОРЕЦЪ. ЛѢСТНИЦА ГЕРКУЛЕСА, ВЕДУЩАЯ КЪ КАМЕРОНОВОЙ ГАЛЛЕРЕѢ. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦЪ. ЧАСТЬ ПЛОЩАДКИ И СПУСКА У АГАТОВЫХЪ КОМНАТЪ. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“.

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОКОВЫЯ ВОРОТА ДВОРЦА. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ“

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦЪ. ЗЕЛЕНАЯ СТОЛОВАЯ. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

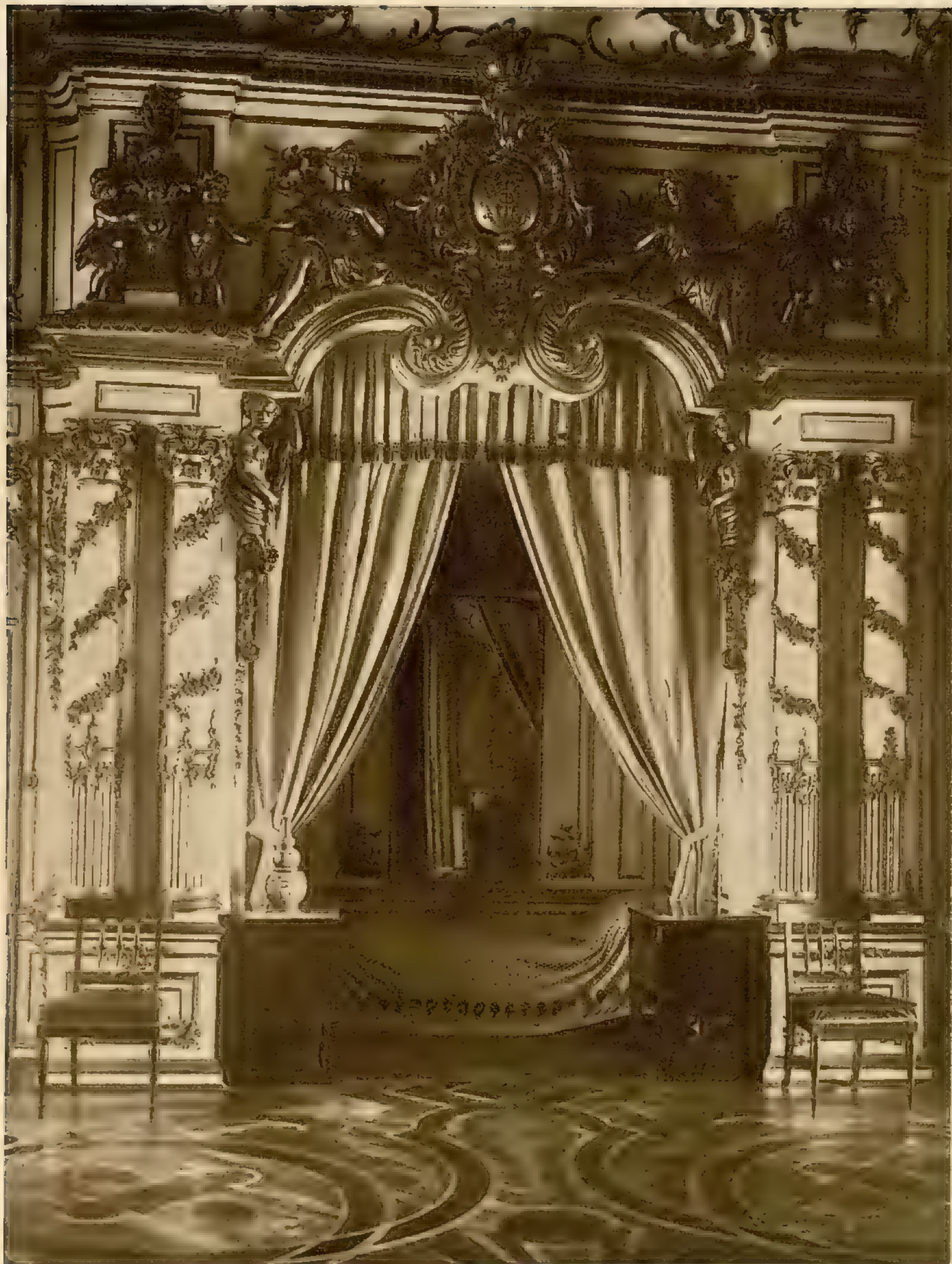

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ЦАРСКОЕ СЕЛО. ОПОЧИВАЛЬНЯ АЛЕКСАНДРА I. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦЪ. ЛІОНСКАЯ ГОСТИННАЯ. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦЪ. ЧАСТЬ ОПОЧЕВАЛЬНЫ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦЪ. ЧАСТЬ БОЛЬШОГО ЗАЛА. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦЪ. КУМПОЛЬНАЯ. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

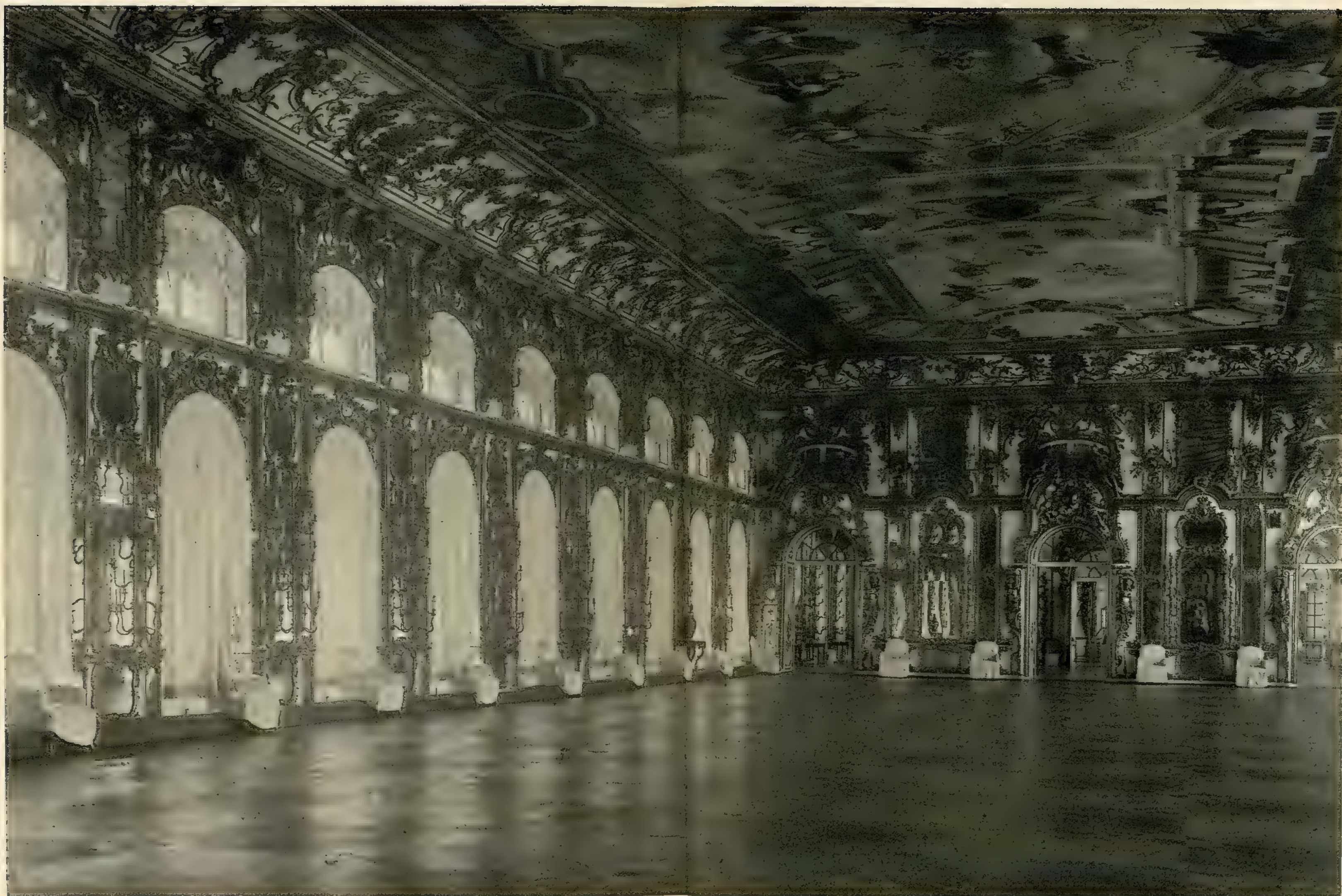

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЦАРСКОЕ СЕЛО. ОБЩІЙ ВИДЪ БОЛЬШОЙ ГАЛЛЕРЕИ. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЙ ДВОРЕЦЪ. СПУСКЪ ВЪ САДЪ. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЭРМИТАЖЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ГАТЧИНСКІЯ МРАМОРНЫЯ ВОРОТА ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ ПРИ ВЫѢЗДѢ ИЗЪ АНГЛІЙСКАГО САДА НА ГАТЧИНСКУЮ ДОРОГУ. ПОСТРОЕНЫ ВЪ 1772 Г. ВЪ ЧЕСТЬ ГРАФА ГР. ГР. ОРЛОВА. 20 НОЯБРЯ 1771 Г. ЕКАТЕРИНА II ПИСАЛА ФАЛЬКОНЕТУ „ПРИЛАГАЕМАЯ У СЕГО НАДПИСЬ БЫЛА БЫ ПРИГОДНОЮ ДЛЯ МЕДАЛЬОНА, ДѢЛАЕМАГО Г-ЖЕЮ КОЛЛО: „ОРЛОВЫМЪ ОТЪ БѢДЫ ИЗБАВЛЕНА МОСКВА". ПО РУССКИ ЭТО ЗВУЧНЫЙ СТИХЪ. НАДПИСЬ ЭТА СОЧИНЕННАЯ В. И. МАЙКОВЫМЪ, ПОМѢЩЕНА НА ГАТЧИНСКИХЪ ВОРОТАХЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЦАРСКОЕ СЕЛО. ТУРЕЦКАЯ ВАННА. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“.

ЦАРСКОЕ СЕЛО. ЧЕСМЕНСКАЯ КОЛОННА. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ“.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ЦАРСКОЕ СЕЛО. МРАМОРНЫЙ МОСТИКЪ. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЦАРСКОЕ СЕЛО. СТАТУЯ АМФИТРИТЫ ВЪ СТАРОМЪ САДУ. (ПРОТИВЪ КОНЮШЕНЪ). ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЕ ОЗЕРО. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ЦАРСКОЕ СЕЛО. ПРИСТАНЬ НА БОЛЬШОМЪ ОЗЕРѢ.
ЦАРСКОЕ СЕЛО. СТАРЫЙ ПАРКЪ. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ГРОТЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ГРОТЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“

ЦАРСКОЕ СЕЛО. МОСТЪ ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ПАРКѢ. ФОТ. Н. Г. МАТВѢЕВА.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ЭРМИТАЖНАЯ КУХНЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

КУЗЬМИНСКІЯ ВОРОТА ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ. ПОСТРОЕНЫ ВЪ 1827-1832 ГГ. ПО ПРОЭКТУ АРХИТЕКТОРА А. МЕНЕЛАСА. СКУЛЬПТУРА ДЕМУТА МАЛИНОВСКАГО.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ВОРОТА „ЛЮБЕЗНЫМЪ СОСЛУЖИВЦАМЪ" ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ. ПОСТРОЕНЫ ВЪ 1817-1821 ГГ. АРХИТЕКТОРОМЪ В. П. СТАСОВЫМЪ.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“.

ЦАРСКОЕ СЕЛО. СОБСТВЕННЫЙ САДИКЪ БОЛЬШОГО ДВОРЦА. КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛЪ. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ“.

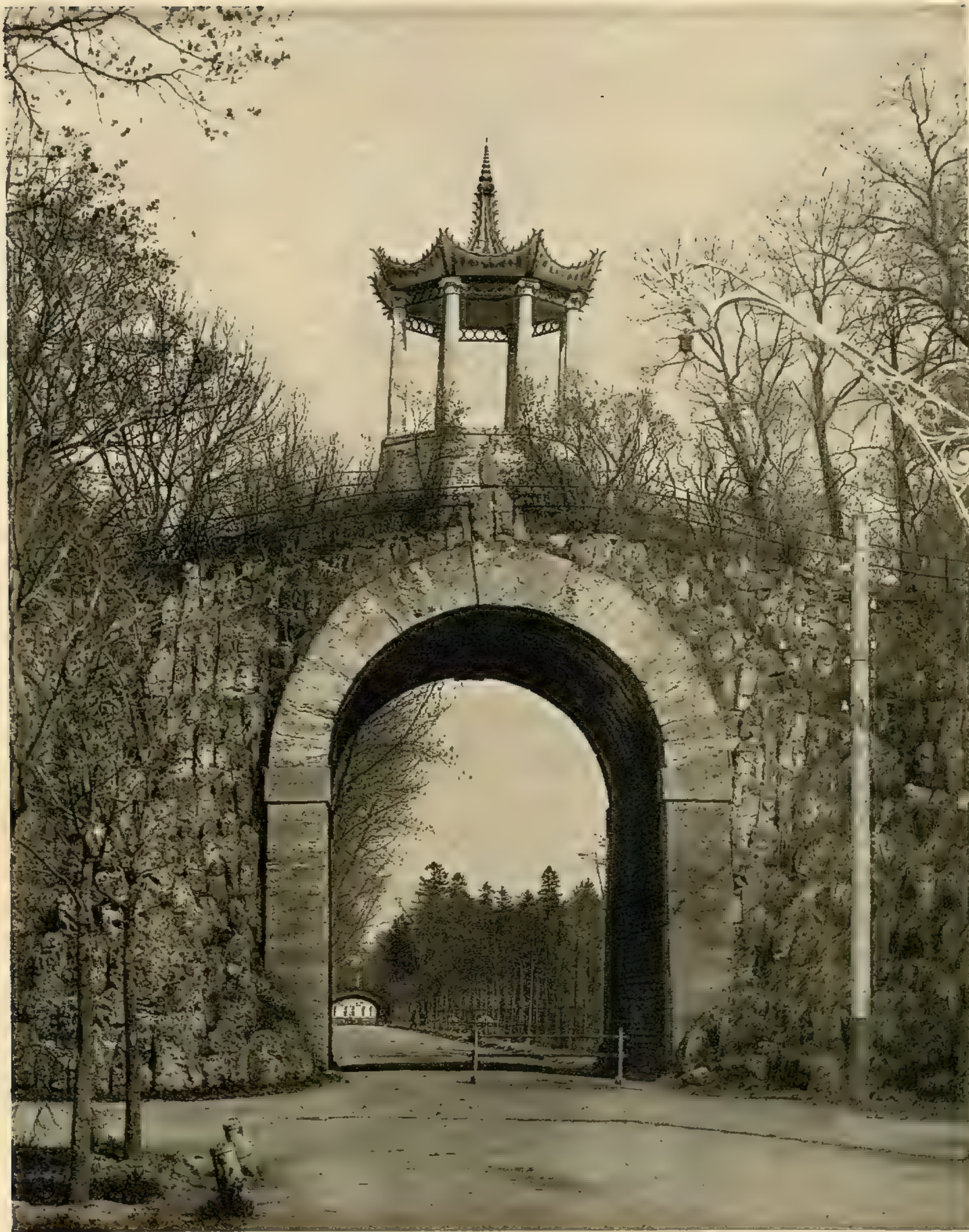

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе".

ЦАРСКОЕ СЕЛО. БОЛЬШОЙ КАПРИЗЪ. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ"

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЦАРСКОЕ СЕЛО. КИТАЙСКАЯ БЕСѢДКА. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ".

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

ЦАРСКОЕ СЕЛО. ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ПАРКЪ. ВИДЪ НА 3-Й ПРУДЪ. ФОТ. Т-ВА „ОБРАЗОВАНІЕ".

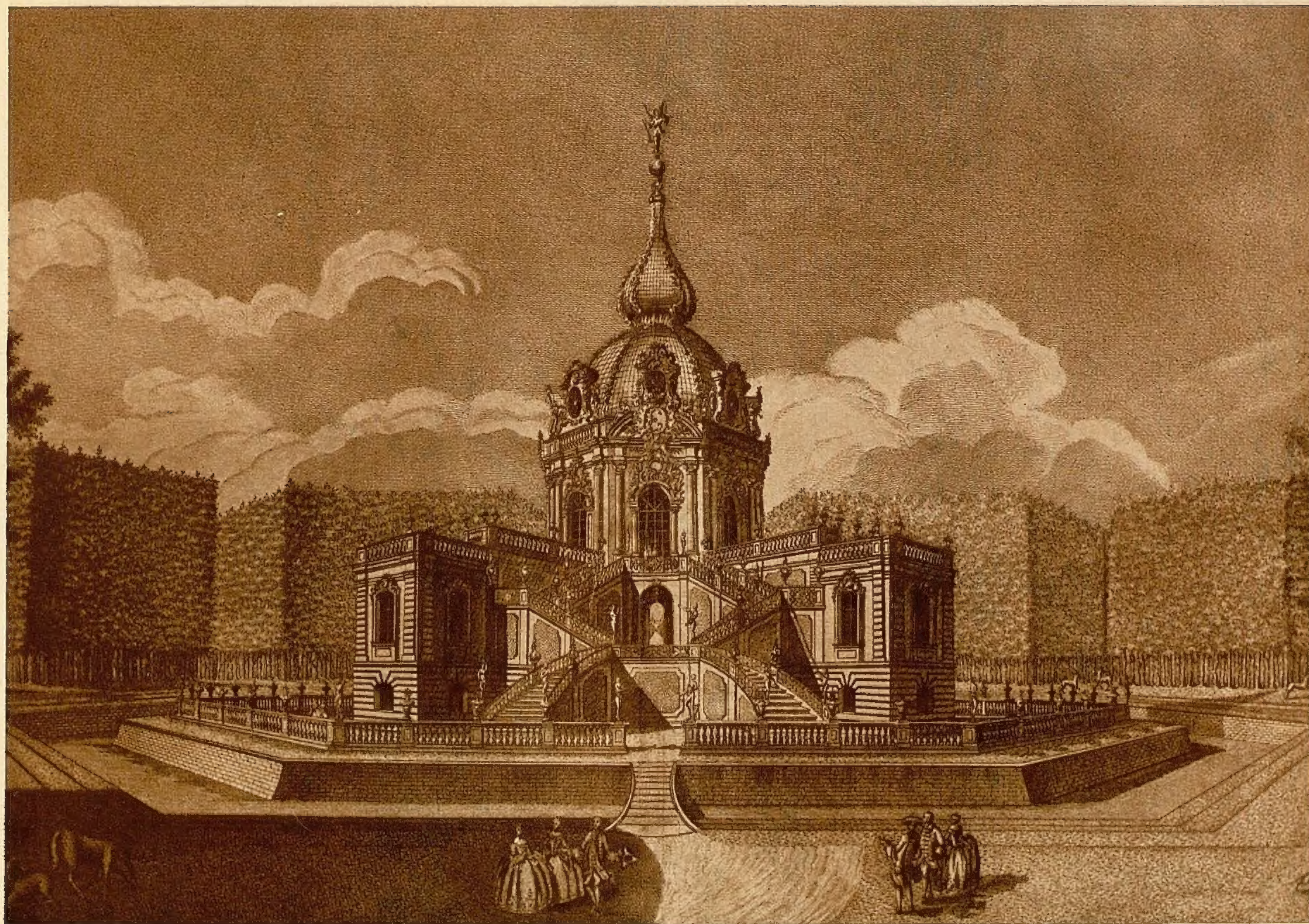
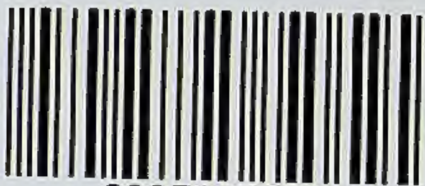

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе"

МОНБЕЖЪ. (ОХОТНИЧІЙ ПАВИЛЬОНЪ) ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ, ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

2007087202